

Олез Крапу

Легенда. Доктор Фауст

Олег Крату
Легенда. Доктор Фауст

«Грифон»

2018

УДК 821.161.1-34
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

Крату О.

Легенда. Доктор Фауст / О. Крату — «Грифон», 2018

ISBN 978-5-98862-380-9

Людам, живущим своими страхами, очень обидно смотреть на тех, кто от этих страхов свободен. Нас готовы принять – больными, глупыми, мёртвыми, но только не свободными.

УДК 821.161.1-34
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

ISBN 978-5-98862-380-9

© Крату О., 2018
© Грифон, 2018

Содержание

Глава первая	7
Глава вторая	42
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Олег Крату

Легенда. Доктор Фауст

Отдельная благодарность моему другу и соратнику Андрею Щербакову за помощь в работе над книгой.

Художник А. Самоделова

© Крату О., 2018

Глава первая Учёный

Осеннее солнце, дарящее крохи тепла, поднимало настроение. Люди особенно ценят то, что недавно потеряли. После долгого месяца тумана, мокрого снега и свинцовых облаков выглянувшее на небе светило стало настоящим подарком. Его лучи и подсвеченная ими золотая листва рисовали чарующие картины на фоне маленького города. Если бы не смрад, катившийся по улицам Кунтлинга, настроение у алхимика было бы и вовсе замечательным.

Переступая через лежащих на мостовой скрюченных стонущих людей, рыжебородый мужчина в треугольной шляпе подошёл к небольшому серому дому и взялся за дверную ручку. «Жизнь – это путь к намеченной цели по лезвию ножа между грязью и кровью», – усмехнулся учёный. Неожиданно он почувствовал, как кто-то схватил его за край плаща.

– Помогите, доктор... Вы же доктор?!

Отстранив от лица надушенный кельнской водой платок, он медленно перевёл взгляд на припавшую к его ногам женскую фигуру.

– Что?.. Чем помочь?

– Он умирает... Мой сын... Вы же доктор?..

– Я доктор философии, – развёл руками учёный.

– Но вы же можете... Вы лечите, я знаю... Мой сын... Помогите, он умирает!..

– Однажды все умрут.

Резким движением мужчина выдернул плащ из рук отчаявшейся женщины и скрылся за дверью. Подойдя к лестнице, он остановился, пригнувшись.

– Господи, ну и вонь! Этот городишко ещё противней, чем Книтлинген! Нужно ехать в Трир, а потом возвращаться в Прагу. И чем быстрее, тем лучше.

Небольшая дверь под лестницей открылась, и в дверном проёме появилось красное заплаканное лицо его хозяйки, Анны.

– Мы все умрём?

Фауст посмотрел на полную женщину и развёл руками.

– А вы собирались жить вечно, фрау Фольк?!

– За что... За что Господь нас карает?

– Господь?

Доктор приблизился к Анне.

– А при чём тут Господь? Это что, он посоветовал вам уничтожить котов, которые боролись с крысами? Или, быть может, он рекомендовал вам сжечь учёных, алхимиков и врачей, которые могли бы вас сейчас лечить? Господь, дорогая Анна, или вы сами всё это сделали?!

– Но... Но мы же... Нам сказал священник, что они...

– Священник? А если бы священник сказал всем прыгнуть в костёр, уважаемая, вы прыгнули бы?

Фауст раздражённо кинул свою шляпу на вешалку в прихожей и метнул туда же свой плащ.

– У вас всегда есть кто-то, на кого можно всё свалить. Господь, дьявол, священник, колдуны с ведьмами. Лишь бы только самим за свою жизнь не отвечать! Ладно, прекратите ныть, дорогая Анна. Где Марк?

– Он заходил и сказал, что плохо себя чувствует.

– Плохо?.. Другими словами, этот безголовый подмастерье не принял порошок и заболел, как и весь этот вонючий город?! Он был бледен?

– Кто?

– Марк, не город же!

Женщина кивнула головой и тихо заплакала.

– Испарина на лбу была?

– Что?

– Он вспотел, спрашиваю?

– А... Да, кажется, – зашмыгала носом расстроенная Анна.

– Значит, я опять остался без помощника. Придётся самому мыть колбы и тратить драгоценное время на ерунду.

Доктор сунул руку за пазуху и, вытащив белый пакетик, кинул его на маленький стол.

– Вот, растворите в стакане воды и выпейте. Не хватало мне ещё и без обеда остаться. И умоляю, вымойте руки перед тем, как готовить еду.

Учёный раздражённо подхватил небольшой чемоданчик, стоявший в коридоре, и, поднявшись по скрипучим деревянным ступенькам на второй этаж, вошёл в свой кабинет. На удивление, в нём царил почти идеальный порядок. Все колбы были вымыты и аккуратно расставлены на полках. Те же, что были наполнены разноцветными жидкостями, были пронумерованы и стояли по своим местам. Даже почтовые голуби в клетке на окне не особенно шумели. Только небольшая стопка бумаг на столе нарушала картину образцового порядка.

– Хотя бы птиц покормить догадался, – пробурчал себе под нос Фауст, – и на том спасибо. А вот про мышь забыл! Да, мой недосмотр. Руководитель, взявший на работу дурака, – плохой руководитель.

Учёный отодвинул стул и кинул в маленькую плошку обрезок сыра. Это была старая традиция – подкармливать грызунов. Он им подкидывал еды, а они взамен не трогали его вещи.

– Теперь, перед тем как брать помощника, сперва проверю его в деле, а не только в знаниях.

Поставив стул на место, Георг хлопнул в ладоши.

– Ладно, вернёмся к нашим мутонам.

Подойдя к столу, он взял несколько листов, разложил их в одну линию и задумчиво посмотрел на записи. Пробормотав себе что-то под нос, поменял их местами, написал на одном несколько цифр и тут же зачеркнул.

– Нет. Ерунда какая-то! Что-то я упускаю... Теоретически всё правильно... Но... *Descrimur specie recti*¹. Да...

Просмотрев вновь один из листов, учёный опустил в кресло у окна. Ещё раз пробежав глазами формулы, он выкинул листок и, откинувшись на спинку, устремил взгляд в окно – на черепичный ряд соседних крыш. Изгибы домов действовали умиротворяюще. Собственно, ради этого вида он и снял комнату. Георг вспомнил, как, войдя первый раз в эту каморку и подойдя к окну, в мгновение растаял и улыбнулся – так же, как сейчас. «Краков, милый Краков...»

Конечно, это унылое германское захолустье нисколько не напоминало цветущий столичный город с его тонкими линиями. Но дом напротив! Эти странной формы окна, точь-в-точь как те, что манили его в молодости. В их блестящих ставнях он увидел её. Странную девочку с удивительными, лёгкими, словно крыло ангела, движениями. В тот вечер Фауст впервые взялся за перо и буквально за несколько минут написал большое стихотворение. Впрочем, отложив его до утра, он вернулся к поэтическим строчкам на следующий день, а прочитав, сделал вывод, что стихосложение – не его стезя.

Вообще Георг Фауст, или, как называли его друзья, Йорг, старался быть как можно объективнее, особенно к самому себе. И если он к чему-то не имел таланта, то с лёгкостью мог это признать и чаще всего больше к этому вопросу не возвращался. Исключением оставалась только музыка. Несмотря на полное отсутствие слуха, Фауст не оставлял попыток петь. Правда, делал он это редко и как можно дальше от людей. На то были свои причины. Однажды, учась ещё на первом курсе, он было запел на одной из вечеринок, и тут же кто-то из друзей пошутил, что Фаусту, судя по всему по ушам пробежало стадо кабанов. После этого за Йоргом закрепил

¹ Мы обманываемся видимостью правильного (*лат.*).

лось прозвище «Кабан», а сам он старался не музицировать при посторонних. Хотя в одиночестве упорно продолжал свои занятия.

Вот и сейчас учёный замычал себе под нос какую-то мелодию, вновь переведя взгляд на бумагу.

– Пум-пуру-рум-пум... Значит, я чего-то не вижу... Вопрос – что именно! Или я просто не туда смотрю... Ведь если есть вопрос, значит должен быть ответ.

Продолжая напевать, он внимательно проследил за мухой, пролетевшей мимо его носа, и хотел было её прихлопнуть, но насекомое, почувствовав движение, быстро отлетело и опустилось на банку под полками. Подёргав крылышками, муха попробовала взлететь, но тщетно. Клейкая жидкость, стекавшая по краю банки, намертво схватила её.

– Пам-парам-пам-пам! Момент...

Алхимик на мгновение замер и через секунду что-то быстро записал на листке, который держал в руках.

– Я идиот... Ну, конечно! Это должен быть не сплав, а клей! Да! Клей, но с некоторыми свойствами... которые...

Фауст вскочил и, продолжая что-то бурчать, быстро подошёл к столу.

– Это должна быть... Па-рам-па-пам... Вот только... что нам её может дать?... Разве что...

Ловко накинув кожаный фартук, учёный повернулся к большой дубовой столешнице. Приподнявшись, снял с верхней полки металлическую банку и потряс её.

– Бред, конечно, но, может, это и есть то, чего мы не видим... Ну да, то, что вчера казалось бредом, завтра может стать непреложной истиной!..

Насыпав содержимое банки в миску, налил в неё воду и добавил туда тягучую жидкость из склянки с прилипшей мухой. Аккуратно перемешав полученную субстанцию, исследователь медленно слил по ножу несколько капель из синей баночки и расплылся в довольной улыбке.

– Carthaginem delendam esse² и ваши чёртовы концепции тоже... Так... теперь металл... Значит, говорите, шутка учителя? А вот, кажется, и ответ ученика нашёлся... Па-рам-пам-пам...

Взяв с полки разломанный нож, он смазал его края полученной смолой и приложил их друг к другу. Бережно обернув бумагой, водрузил на них гирьку и перевернул песочные часы. Опустившись на стул, учёный что-то быстро написал на листке. Неожиданно остановившись, взял горелку и тут же отложил её.

– Наверное, эти сплавы не должны нагреваться... Вот дьявол! Да, ещё должно быть...

Пробормотав под нос нечто невнятное, он вернулся к записям. Минут через десять оторвался и взглянул на нож. Встав со стула, алхимик аккуратно снял груз и развернул клинок.

– Давление... Маловато, нужно больше... Нет!.. Вакуум! Насколько это возможно...

Завернув нож обратно, учёный ловко раскрутил небольшие тиски, вставил два деревянных бруска, а между ними – лезвие, и так же ловко закрутил их обратно. Вернувшись к столу, он открыл большую металлическую колбу и положил в неё тиски с ножом. Завинтив крышку, он потянул на себя небольшой поршень и, быстро завернув другой рукой какую-то гайку, поставил колбу обратно на стол.

– Отлично! Вакуум, мой алхимический клей и металл. Теоретически должно сработать.

Улыбнувшись, Георг раскрыл свои записи и, откинувшись в любимом кресле, погрузился в их изучение.

Минут через двадцать он снова оторвался от бумаг и, аккуратно достав из колбы тиски и медленно раскрутив их, положил на стол заветное изобретение. Сняв бумагу, учёный постучал по металлу и замер.

– Будь я проклят... получилось!

² Карфаген должен быть разрушен (*лат.*).

Проверив остроту лезвия пальцем, Фауст медленно разрезал бумагу, в которую был завернут клинок. Ещё раз осмотрев свой шедевр, он резким движением метнул его в висевший на стене портрет. Клинок просвистел в воздухе и воткнулся точно в центр лба нарисованного на картине мужчины с царственной осанкой.

– Есть!

Георг хлопнул в ладоши и, подойдя к двери, открыл её.

– Анна, принесите мне бритву! И горячую воду!

– Хорошо!

Вернувшись к ножу, учёный вытащил его из портрета и потрогал место склейки.

– Потрясающе! Впрочем, это ещё один пример того, что всё самое сложное решается самым простым способом.

Оглядевшись, Йорг положил лезвие на небольшую металлическую наковальню и взял молоток.

– Вот он, момент истины!

С этими словами учёный прищурил глаза и со всей силы стукнул по ножу молотком. Раздался неприятный металлический звон, и что-то хрустнуло.

– О, Боги!.. Нет, не может быть! А, впрочем, почему не может?! Может!

Сняв свою работу с наковальни, алхимик расплылся в улыбке.

– Цел! Ну... или почти цел... С ума сойти! Так, а что у нас хрустело?

Проведя рукой по основанию наковальни, он покачал головой.

– Дубовый стол... Жаль его. А впрочем, плевать! Да здравствует Фауст, да здравствует разум, да здравствует интуиция! Ну – и прилипшие мухи, конечно... Зря я ругал этот городишко, как бишь его... Кстати, какое сегодня число? Это нужно отметить.

Дверь отворилась, и в проёме показалась голова Анны. Опасливо озираясь, женщина прошла в комнату и поставила поднос с бритвенными принадлежностями на стол.

– Что вы так раскричались? И чего вы тут опять ломаете?

– Кажется, я всё-таки гений, – расплылся в улыбке учёный.

– Вам всё время что-то кажется, – недовольно буркнула хозяйка, – надеюсь, сегодня вы ничего взрывать не будете? И зачем вам понадобилась бритва?

– Сбрить мою прекрасную рыжую бороду! Во-первых, она мне надоела, а во-вторых, я это заслужил!

– Вот те раз! И вправду особенный день...

– Ха!

Анна скривилась, от смеха постояльца её каждый раз корбило. «Не смех, а карканье ворона!» – опасливо поёжилась женщина. Георг опустил в кресло и накиннул на шею белую салфетку.

– Брейте, фрау Фольк! И кстати, какое сегодня число?

– 21 октября, на улице холод собачий, несмотря на солнце... и в доме тоже.

– А какого чёрта вы, уважаемая, не купите дров или угля? Я, по-моему, плачу достаточно и, заметьте, золотом!

– Если вы ещё не обратили внимание, герр Фауст, в городе мёртвые люди по улицам лежат и все лавки закрыты, никто ничего не продаёт!

– А-а-а... Надо же, я и забыл совсем... Да, однако, у меня странный получился день рождения!

Анна замерла и, перестав брить своего постояльца, развела руками.

– День рождения у него! Люди мёртвые вокруг, а он орёт и смеётся...

– Не орёт и смеётся, а удивляется. И вообще – не портите мне праздник, милая Анна! Лучше добривайте мою физиономию и как можно скорее наймите повозку.

Завершив священнодействие над лицом своего постояльца, женщина сложила бритву и с укором посмотрела на доктора.

– Вы с ума сошли, герр Фауст, в городе нет никаких повозок! Все, кто мог, – давно уже уехали. К тому же, вас просто не выпустят! Барон приказал закрыть все...

– Барон сделает то, что я ему скажу. Иначе не получит лечебное снадобье для своей драгоценной потенции.

– А как же все остальные, как же я?

Женщина всхлипнула и достала свой замусоленный платок.

– Если будете принимать порошок, который я оставлю, ещё пять дней и ежедневно мыть руки перед едой, с вами, дорогая Анна, ничего не случится. А об остальных позаботится ваш Господь.

Хозяйка остановилась в дверях и исподлобья посмотрела на квартиранта.

– Ваш? Вы сами, что, в него не верите?

– Я верю в здравый смысл и в свой разум. Идите, Анна, идите... Мне пора собираться...

Нет, таз с водой не уносите!

– Как скажете, герр Фауст...

Закрыв за женщиной дверь, учёный быстро сложил в небольшой кожаный чемодан бумаги и несколько коробочек. Затем, собрав стоявшие на полках реагенты, вылил некоторые из них в таз с мыльной пеной.

– Осторожность прежде всего... Так, что ещё?

Оглядев комнату, он заметил на кровати заботливо уложенную стопку чистого белья и улыбнулся.

– Ах да, конечно! Вы очень аккуратны, фрау Фольк.

Закинув вещи в чемодан, алхимик напоследок осмотрел комнату и присел на край стола. Уткнувшись взглядом в клетку с птицами, учёный расплылся в улыбке и, оторвав маленький листок, что-то написал на нём мелким почерком. Затем вставил записку в крошечную капсулу. Вынув из клетки белого голубя с коричневой отметиной, аккуратно закрепил на его лапке письмо и открыл окно.

– Хороший день, чтобы уехать и улететь.

С этими словами Фауст выпустил птицу и закрыл ставни.

Если бы не жуткое зловоние, день можно было бы считать идеальным. Нашлось решение, казалось бы, нерешаемого вопроса, предстоит встреча со старым другом, и, конечно, книга... Теперь он точно будет законным владельцем желанного фолианта.

Прикрыв лицо платком, учёный быстрым шагом пересёк площадь и уже через несколько минут стоял на окраине городка. Зелёная повозка ждала его у крайнего домика. Закинув поклажу в кузов, Георг взглянул на возницу.

– Вы кого-то ещё ждёте?

– Нет.

– Тогда в Трир!

– Как скажете...

Поездка была великолепной. Правда, вначале владелец экипажа пытался втянуть своего пассажира, представившегося Мюллером, в беседу о тяготах жизни, но учёный, понимая, что нытьё возницы будет преследовать его все пять дней пути, пресёк все разговоры на корню.

– Вам трудно живётся, юноша?

– Да, герр Мюллер, сейчас такие времена, а судьба...

– *Ducunt volentem fata, nolentem trahunt!*³

– Что?

³ Желаящего идти судьба ведёт, не желаящего – влечит! (*лат.*)

– Я говорю – времена всегда одинаковы! Они просто есть и всё. Это люди каждый раз думают, что были или будут времена лучше. Нет, не было и не будет других времён. И времена не изменятся, и люди не изменятся. Им хоть гору золота насыпь, хоть ковёр-самолет дай, они всё равно будут чем-то недовольны! А вам, Гюнтер, вместо того чтобы завывать о тяготах вашего бестолкового существования, стоит оторвать ленивый зад и начать что-то менять в своей унылой жизни! Тем более что вы ещё вполне себе молоды. Ещё есть вопросы? Нет? Ну и славно.

Обиженный молодой человек замолчал, и алхимик с удовольствием предался размышлениям.

Путешествия – это то, что Фауст любил, наверное, больше всего. Будучи ещё мальчишкой, он подолгу мог наблюдать за пролетающими по небу птицами. Свобода. Свобода быть там, где ты хочешь, а не сидеть на одном месте. Он завидовал этим парящим созданиям.

Маленькому Йорги всегда казалось, что жизнь проходит где-то там, за стенами их маленького города. Именно там, в удивительном большом мире, происходят потрясающие события, гуляют неведомые животные и живут удивительные люди. Там есть то, чего нет в их затхлом городишке, – свобода. Поэтому появление в городе любых чужестранцев было для него настоящим подарком – будь то цыгане, нищие попрошайки или странствующие артисты.

Каждый раз, услышав об их появлении, Фауст со всех ног кидался посмотреть на них и послушать рассказы о других городах и странах. Однако делать это получалось нечасто. Отец не был сторонником бессмысленной беготни по улицам, как он выражался. И к рассказам заезжих чужеземцев относился скептически.

– Хочешь узнать мир – сам иди и смотри, а слушать чужие истории – это глупо. Это всё равно, что, будучи голодным, смотреть, как ест другой, и слушать, как он нахваливает еду. От рассказов сыт не будешь. К тому же, человек никогда не расскажет тебе правду, он может только пересказать тебе собственное видение. Но, увы, большинство людей мало образованы, а потому – слепы и глухи. Так что, скорее всего, ты услышишь только враньё.

– Так я сам хочу увидеть мир!

– Тогда учись.

И Фауст учился. Он учился целыми днями. Каждую неделю отец опраивал его работать помощником к новому человеку. За год Йорг успел побывать и поварёнком, и пекарем, и плотником, и даже ювелиром. Несколько его работ отец даже выкупил потом у мастера. Но больше всего мальчику понравилась кузница. Там он готов был пропадать целыми днями. Пламя горна и раскалённый металл завораживали его.

Но, увы, нужно было идти дальше. Новая профессия, новые люди, новые знания. Каждый раз отец просил тех, у кого его сын работал, дать оценку его усердию, старанию и тому, как он освоил предмет. И так практически каждый день.

Только по воскресеньям, когда мама уходила в церковь, у Фауста появлялась возможность вырваться на волю.

Вообще его отец и мать были абсолютно разными людьми. Она – тихая женщина с тонкими чертами лица, он – грубоватый и резкий в суждениях. Мария – набожная, начинавшая и заканчивавшая день в молитве, Йохас – насмешливый и отпускающий едкие реплики по поводу священников и церкви. У тех, кто был с ними знаком, часто возникал вопрос: как вообще эти два совершенно разных человека могли уживаться вместе? И ведь уживались! Георг ни разу не слышал, чтобы родители ругались. Разве что отец иногда ворчал по поводу попыток Марии привить Фаусту тягу к религии.

Когда Георгу исполнилось шесть, отец поставил его на старый дубовый стул и сел напротив. Внимательно посмотрев в глаза озадаченному сыну, он спросил:

– Скажи, ты считаешь себя мальчиком или мужчиной?

Фауст пожал плечами.

– А просто человеком можно быть?

– Хм, – отец удивлённо приподнял брови и снял сына со стула.

Разложив перед ним нож, перо и молоток, глава семьи ткнул в вещи пальцем.

– Выбирай.

– Зачем?

– Выбирай, говорю!

Йохас не терпел возражений, и маленькому Йорги это было известно. Подойдя к столу, он сгрёб в охапку все предметы и изучающе посмотрел на родителя.

– Я просил тебя выбрать, – вновь приподнял бровь отец.

– Я так и сделал.

– Это не выбор!

– Как хочу, так и выбираю, – насупился мальчик, ожидая взбучку.

Неожиданно для него и замеревшей в дверях матери Йохас усмехнулся.

– Да? Ну что же, может, это и правильно.

– Ты не дал ему крест, – тихо произнесла мать.

– Крест, Мария, каждый выбирает сам в зрелом возрасте. И ваш Христос тому пример.

Отец встал со стула и вышел из комнаты. С этого дня он сам приступил к обучению сына, а для Йорга детство закончилось.

Дорога в Трир была сделана ещё римлянами, а потому ехать по ней было одно удовольствие. Разбросанные вдоль пути небольшие деревушки радовали глаз и будоражили воспоминания. Большинство трактиров и постоянных дворов были хорошо знакомы учёному, которого в них знали как Мюллера. После конфликта Фауста с одним европейским монархом появляться около его владений под своим именем стало небезопасным.

И только в последнем перед Триром постоялом дворе алхимик не таился. Владел им старинный друг его отца – Тиль. После смерти Йохаса он приглядывал за Георгом и иногда воспитывал его. Вот и сейчас, увидев входящего в трактир Фауста, старик поднял правую бровь и поманил его пальцем.

– Ну-ка иди сюда, учёный мерзавец!

Фауст снял шляпу и, виновато склонив голову, подошёл к хозяину заведения.

– Да...

– Что – да?!

– Простите...

– Что – простите? За год ни одного голубя! Совесть есть? Переночуешь у меня!

– Конечно!

– Ну и славно.

Тиль был суров, но отходчив. Тем более что к Фаусту он питал отеческие чувства. Одинокий, но не сломленный человек, он вызывал у Георга неподдельное восхищение. Потеряв всю семью, старик продолжал жить, работать.

Учёный с удовольствием останавливался у старого друга. Это был тот самый кусочек детства, в котором запомнился только свет. Тут всегда оставалось тепло прошлого, которого так мало у алхимика в настоящем.

Тиль много ворчал и много смеялся, что совершенно гармонично в нём уживалось. Впрочем, задерживаться у него Фауст не любил. Возможно, даже немного побаивался. Ощущение покоя и детских радостей опасно затягивало. Так что с рассветом учёный вновь стоял около повозки. Старик, провожая Георга, едва сдерживал подступавшие слёзы.

– Ты не забывай голубей посылать! Слышишь, Йорги?..

– Конечно, Тиль, конечно!..

Фауст обнял старого друга.

– Ну, иди в дом, холодно уже.

– Да, это ты у нас морозов не боишься...

Георг запрыгнул в телегу и на прощание помахал Тилю рукой.

– Иди, иди в дом!

Старик обречённо махнул рукой, и возникший хлестнул коня.

– Ваш друг?

– Да, – кивнул Фауст, – друг моего отца. Самая весёлая пора моего детства прошла здесь.

Георг улыбнулся, вспоминая сыновей Тилия. Крепкие и рослые, они были на голову выше Фауста, но подчинялись ему беспрекословно. Это была не просто дружба, это был союз трёх. Георг, Ганс и Гюнтер. Фантазёр и заводила Фауст, весельчак Ганс и увалень Гюнтер, обладавший невероятной силой. Втроем они держали в ужасе всю округу, а отъезд будущего алхимика в ближайших деревнях воспринимался как благодать. После одного из них в соседней церкви даже отслужили благодарственный молебен, лишь только Фауст скрылся за горизонтом.

Через некоторое время от воспоминаний и лёгкого покачивания повозки учёного смогло, и он тихонько задремал. Однако сон его длился недолго. Сильный толчок повозки и конское ржание разбудили прикорнувшего путника.

– Какого дьявола!

– Простите, герр Мюллер...

– Бог прощает, а я вам деньги плачу, – недовольно проворчал учёный, – наставили тут...

Выйдя из коляски, Фауст кинул вознице две монеты серебром и, обойдя развалившуюся посреди дороги повозку, взглянул на суетившегося у колеса владельца. Тот оторвался от работы и, поймав взгляд учёного, спросил:

– Месье, не могли бы вы подать мне вон тот инструмент?

Георг подтолкнул к бедолаге деревянный ящик и усмехнулся.

– Французы... Уважаемый, если хотите добраться целым и невредимым, купите немецкую повозку, а лучше – баварскую... Ваши французские – это просто пародия на транспорт!

– Благодарю за совет, – отозвался хозяин.

– А ещё – научитесь аккуратно работать и не лезть под нагруженный экипаж, не укрепив его, – буркнул учёный, удаляясь.

В следующее мгновение за его спиной раздался треск и послышался истошный крик француза. Учёный покачал головой и, даже не обернувшись, продолжил свой путь. Пройдя вдоль распаханых полей, Фауст подошёл к тёмным городским воротам и остановился. Девушка с корзиной яблок с интересом разглядывала красивое платье.

– Вы очаровательны, милая фройлен, – улыбнулся Георг, – и платье красивое, вам оно будет к лицу...

Девушка улыбнулась.

– Благодарю вас!

– Может, мне задержаться тут ненадолго, – пробормотал алхимик.

– Что вы сказали?

– Я сказал, – Фауст взял девушку за руку, – что у вас потрясающие глаза...

Юная прелестница смутилась и захлопала длинными ресничками.

– А ещё, – продолжил мужчина, – я говорю, что в жизни не встречал такой нежной улыбки...

– Ну что вы, – окончательно смутилась девушка.

– Как вас зовут, моё очарование?

– Катарина...

– Очень приятно, а меня Георг Мюллер. Позвольте мне вас проводить, прелестная Катарина, и помочь донести ваши яблоки.

– Не стоит, право, герр Мюллер...

– Пойдёмте, чаровница. Мне это не только не трудно, но и очень приятно.

Подхватив корзинку, Фауст взял девушку под локоть и повёл в сторону небольшого садика.

– Но мне в другую сторону...

– Я всего лишь хочу прогуляться с вами по прекрасным местам моего любимого города.

И зайти в одну старую часовню...

Она не понимала, почему идёт с этим мужчиной и почему ей так хорошо рядом с ним. Фауст понимал. Это было влияние энергии огня на один из центров человека. Конкретно – тот, что находится ближе к паху. Благодаря несложному воздействию энергия и кровь приливают к половым органам и, как говорят коллеги из Французской школы, – вуаля!

Ничего сложного, третий курс Краковского университета. Раздел: влияние стихий и энергий на физиологию человека. После первого же занятия студенты бежали испытывать полученные знания на дамах из округи.

Впрочем, было одно правило. «Отношения, которых добился с помощью магии, могут быть только один раз», и поэтому вторая встреча с той же женщиной была невозможна.

Да алхимик, собственно, и не планировал. Им двигали воспоминания юности и воздух свободного Трира. Ну и, конечно, роскошная грудь блондинки. А белокурое создание, не сознавая почему, сгорает от желания и вожделенно заглядывает в глаза своего спутника. «Это всего лишь аркан „дьявол“, милочка», – про себя улыбается Порт.

– А вы где-то здесь рядом живёте?

– Увы, нет, но жил когда-то...

– А сейчас?

– Сейчас, – развёл руками мужчина, – я свободный и счастливый человек. Человек, который путешествует по всему миру от Африки до Индии и который идёт сейчас рядом с самой прелестной девушкой Трира.

– Ну что вы...

Пройдя мимо городских ворот, мужчина резко повернул направо, и они со спутницей вошли в маленький садик. Фауст подвёл Катарину к небольшой серой часовне и улыбнулся.

– Вот она – свидетельница наших приключений молодости.

– Вы тут часто бывали?

– О да!

Неожиданно Йорг развернул девушку к себе и, страстно притянув, поцеловал в губы.

– Ой! Вы что...

– Вы прекрасны, фройлен, – проорчал кавалер бархатным баритоном.

Он ещё крепче обхватил спутницу и, едва касаясь спины, нежно провёл вдоль позвоночника кончиками пальцев. Бедняжка вздрогнула, и в её взгляде в одну секунду смешались ужас, возбуждение, негодование и что-то ещё, что-то странное и жаркое, чему не было определения. Руки мужчины были крепкими и мягкими одновременно. Бедняжка почувствовала, что проваливается в его объятиях в какой-то красный горячий туман.

– Вы!.. Что вы... Зачем?!

– Иди сюда, – Йорг притянул отпрянувшую было прелестницу к себе.

– Что вы...

Фауст нежно провёл пальцем по её губам и тут же прильнул к ним. На секунду оторвавшись, он взглянул Катарине прямо в глаза.

– Какая ты сладкая. Словно пирожное... Нежное, волшебное пирожное...

– Что... я?..

Растерянная жертва захлопала ресницами. Георг медленно взял её за талию и, опустившись чуть ниже, прошептал в нежное розовое ушко:

– Тебе же хорошо?..

– Да, но... Вы меня...

– Я тебя... а ты просто расслабься и получай удовольствие.

– Пожалуйста, – едва слышно прошептала несчастная, – я не...

Мужчина ещё крепче обнял красотку и, лёгким движением приподняв её, скрылся за старыми дверями часовни...

Нежность... Нежность и властность. Ему невозможно отказать. Он просто берёт то, что считает нужным. Георг держит её за бёдра, и девушка стонет. Она чувствует дрожь, бегущую по телу, когда обольститель прикасается к её шее, груди, соскам. Легко, чуть касаясь. Потом сжимая...

Обнажённая, на его тёмном плаще она выглядит так соблазнительно. Фауст держит её в своих руках. «Катарина...» Её имя звучит сейчас совсем по-другому. Она чувствует, что мужчина вот-вот войдёт в неё. Последняя попытка воспротивиться этому и...

– А!.. Мне боль...

– Какая же ты... Ты нежнейший кусочек...

– Мне... Я не...

Ей больно и приятно... Нет, это не то слово... Этому вообще нет ни слов, ни определений... есть только звуки... Пусть, пусть будет больно, только бы он оставался... Оставался в ней... И держал её! Крепко... Сейчас... он, этот странный, от которого невозможно оторваться... Дьявол, дарующий боль и блаженство одновременно...

Девушка обхватывает его и впивается ногтями в спину.

– Оу!.. Да ты страстная...

Он улыбается и входит в неё с новой силой, она кричит... или стонет... Всё сразу... Холодные стены, горячие любовники... Или их нет... Есть только сумасшедший любовный ритм двух человек на полу в старой часовне... Она почти теряет сознание... Неожиданно всё вокруг замирает... И только её тело продолжает дрожать... Дрожать, чувствуя, как мужчина прижимает её к себе... Потерявшуюся в этом пространстве от возбуждения...

Время... Оно и летит, и замирает одновременно. Где-то вдалеке ударил колокол. Фауст провёл рукой по лицу девушки. Она медленно открывает глаза и пытается рассмотреть мужчину в полутьме.

– Как вы... почему... Почему я?..

Огонь? Уже достаточно. Алхимик отпускает эту стихию из её плоти. Теперь девушка свободна.

– Как ты хороша, – улыбается он, – ты потрясающая и...

– Я... Но как мне теперь... Я же...

Фауст нежно целует её растерянные глаза, затем шею.

– Тш-ш-ш... Не говори ничего... Всё происходит так, как должно быть...

– Но я же...

Ещё один поцелуй в губы – и девушка тихо стонет. Каждый раз одно и то же переживание. «Ах, девственность, ах, девичья честь... И что вы к этой перепонке так привязались?» Учёный вздохнул. «Ну хорошо, вернём тебя в твой мир...» После такого рода влияний Йорг погружал несчастную в некое состояние протрации.

И всё заканчивалось хорошо. Ну, по крайней мере, он искренне в это верил. Да, за некоторыми, особенно понравившимися, Йорг приглядывал. Большинство удачно вышли замуж и нарожали кучу детворы. Ну, были, конечно, и не очень удачные случаи, но о них он не любил вспоминать. «Сами виноваты!» И точка.

– Закрой глазки... и расслабься... Научись просто получать удовольствие от жизни... Ловить каждое мгновенье...

Нежно лаская девушку, он провёл по её груди и прикоснулся к торчащим нежно-розовым соскам. Катарина что-то хотела сказать, но мужчина нежно поцеловал её белоснежный животик. Проведя пальцами по бёдрам, он поднялся и помог подняться девушке.

– Я хотела...

Фауст улыбнулся, глядя на смущённую красотку.

– Узнать характер женщины можно по тому, как она раздевается, одевается и прихорашивается. Тут вы сама естественность.

– Что?

– Я говорю, что ты очаровательна!

Сняв с мизинца перстень, он надел его на тонкий женский пальчик и нежно поцеловал девушку в губы.

– Это на память о нашей встрече, Катарина.

Алхимик улыбнулся и, накинув свой плащ, вышел с девушкой из часовни. Вдохнув полной грудью аромат любимого города, Йорг расправил плечи и подхватил оставленный у дверей скарб. Заметив у ворот ожидающую повозку, алхимик щёлкнул пальцами и поманил возницу.

– Уважаемый, будьте любезны, подвезите фрау Катарину, она тут усердно молилась о своём покойном брате.

– Не, я это...

Поймав на лету золотую монету, мужчина мгновенно спрыгнул с повозки и расплылся в улыбке.

– Может, и вас подвезти, господин?

– Нет, любезный, пожалуй, я пройдусь. Так давно тут не был...

Поцеловав в щёку всё ещё смущённую спутницу, алхимик надкусил яблоко, которое взял у прелестницы, и направился в сторону ворот.

Георг Фауст прогуливался по улицам старого Трира, наслаждаясь каждой секундой. Мимо его взора проносились воспоминания юности, друзья и весёлые приключения.

Это было совершенно потрясающее и давно забытое чувство юношеского полёта. Вот старый трактир, где они первый раз встретились с их опальным учителем перед его отъездом в Прагу. А вот тот самый дом, где он жил. И лавка старого Ганса, сварливого шваба, у которого они иногда таскали яблоки.

Несмотря на холод и пронизывающий ветер, путник распахнул куртку. Ему было жарко от нахлынувших воспоминаний и энергии молодости. Пройдя ещё метров сто, Фауст остановился, расплывшись в довольной улыбке.

– Знакомая фигура!

Семенивший перед ним толстяк остановился и стал оглядываться по сторонам, пытаясь понять, откуда исходит голос.

– Обернись назад, слепая тетеря, – расхохотался алхимик, – ау, Питер Гросштайн!

Мужчина обернулся и в удивлении развёл руками.

– О, мой Бог, кого я вижу! Йорги!..

– Здравствуй, мой друг!

Подойдя ближе, Фауст обнял толстяка и слегка приподнял от земли.

– Ты крепок, как всегда, – охнул Питер.

– Да, потому что не ленюсь и не перестаю тренировать своё тело! А вот ты, я смотрю, всё толстеешь, дружище?

– Много сидячей работы, да к тому же моя жена так вкусно готовит...

– Твоя – кто?

– Жена, друг мой, жена! Пойдём скорее, я тебя с ней познакомлю.

– Ну вот, – вздохнул Фауст, – ещё один умный мужчина потерян для науки!

– Ты зря так считаешь, – рассмеялся толстяк, – скорее, наоборот.

– Тогда – что ты на улице с продуктами делаешь? Почему ты их носишь, а не она или прислуга?

– Просто решил прогуляться. К тому же ребёнок...

– О нет!

Фауст поднял лицо к небу.

– Ты ещё и размножаться начал?..

Питер расхохотался и толкнул старого друга в бок.

– Ну естественно! Да что мы стоим? Пойдём, пойдём, Йорги...

Фауст тяжело вздохнул и положил руку на плечо товарища.

– Ладно, пойдём, покажешь мне, как ты тут процветаешь.

Пройдя несколько кварталов, друзья свернули на маленькую улочку. У двери старого дома гость ухмыльнулся.

– Хочешь найти алхимика, ищи самый неприметный серый дом.

– Тише, Георг!

Питер предупредительно ткнул друга в плечо и распахнул дверь.

– Чего ты раскричался...

Войдя в прихожую, Гросштайн положил покупки на лавку и снял плащ.

– А чего ты испугался? – хмыкнул Фауст. – Нас вроде уже не преследуют. По крайней мере, в Трире...

– Дело не в этом, – перешёл на шёпот хозяин дома, – моя жена... она ничего не знает...

Для неё я просто преподаватель в университете.

– Ах, вот оно что, семейные тайны и алхимические скелетики в шкафах.

– Тише, прошу тебя! Ну, проходи, друг мой, раздевайся и проходи! Филипп! Филипп!.. Филипп Гуггенхайм! Где черти носят этого головастика?..

– Это ещё кто? – осведомился гость.

– Сын одного моего старого друга. Он прислал ко мне этого сорванца с просьбой заняться его обучением. Талантливый мальчишка, но практически неуправляемый! Филипп!.. Пойдём, дружище, в мой кабинет.

Поднявшись по лестнице, приятели подошли к двери и замерли.

Вдоль всей стены крупным почерком была написана странная формула. Фауст приблизился и, внимательно разглядывая надпись, прошёлся вдоль всего послания. Дойдя до конца, Йорг поднял брови и внимательно посмотрел на старого друга.

– Питер, ты тоже это видишь или у меня начались видения?!

Опешивший хозяин дома прошёлся вслед за гостем, затем вернулся и остановился у противоположной стены.

– Это... это невероятно!

Георг покачал головой и, сделав какие-то пометки на стене, вновь посмотрел на Питера.

– И кто, позволь спросить, написал сей шедевр фармакологии?

– Наверное, он, – покачал головой хозяин дома, – больше вроде некому...

– В смысле, твой ученик?

– Видимо, да... Ну, почерк точно его...

Фауст ещё раз внимательно оглядел формулу и, достав из кармана маленькую книжку что-то записал в неё коротенькой палочкой с грифелем внутри.

– Талантливый, говоришь? Нет, дружище Питер, этот юнец не талант, а самый настоящий гений! Ты понимаешь, что он сегодня превзошёл самого Цельса?!

– Да, этот кривоногий головастик действительно... Нет, это поразительно, поразительно... Поразительно!..

Толстяк сделал шаг назад и восхищённо осмотрел стену.

– Этот маленький мерзавец и правда нашёл решение!

– Ну конечно, – хлопнул его по плечу Йорг, – сода! Это самое верное и простое решение... Так где он?!

– Кто?

– Ученик твой!

– Понятия не имею, – пожал плечами Гросштайн, – наверное, ушёл...

– Какого дьявола?! Куда?

– Я велел ему перемыть в кабинете мою техническую посуду, а он всё брыкался. И тогда я сказал, если он найдёт мне формулу лекарства, то может быть свободен и идти на все четыре стороны... Ну вот... он, видимо...

– Ха, – гаркнул Фауст, – ай да малец! Передай своему другу, что отныне доктор Фауст будет называть его сына Парацельсом!

– Да, – согласно покачал головой Питер, – пожалуй, ты прав. Может, ему суждено отыскать философский камень?

Георг поморщился.

– На кой чёрт он вам всем сдался; можно подумать, из обычного ничего невозможно построить?

– Прошу, не ругайся в моём доме!

– Прости...

– М-м-м... Да... Жаль, что мальчишки нет... Ну, что же, друг мой. Придётся нам праздновать победу над болезнью без виновника торжества.

– Ну и ладно, мы напьемся за его здоровье и без него, – рассмеялся гость.

– Отличная мысль! Проходи... Сейчас я позову жену...

Гросштайн открыл дверь, пропуская друга вперёд. Кабинет Питера являл собой полную противоположность фаустовскому. Тут царил лёгкий хаос и весёлая небрежность. Георг попробовал было заглянуть в разложенные на столе бумаги, но Питер тут же схватил их и засунул на верхнюю полку с книгами.

– Нет! Это недоделанная работа! Ну что у тебя за манера – сразу соваться в чужие бумаги...

– Ой, какие мы скрытные, – добродушно рассмеялся Йорг.

– Да! Ты же знаешь, что я этого не люблю...

Собрав с кресла скрученные в рулон рукописи, хозяин дома усадил в него гостя, а сам устроился на стуле.

– Ну, рассказывай, друг мой, что привело тебя в наши края и, особенно мне интересно, что заставило тебя сбрить твою легендарную рыжую бороду?

Фауст открыл было рот, но ничего не успел сказать. Дверь отворилась, и в комнату вошла миниатюрная блондинка с подносом в руках. Мужчины встали. Гость быстро окинул взглядом роскошный бюст женщины и, улыбнувшись, поклонился.

– Дорогой друг, разреши представить тебе мою супругу. Агнешка, а это Георг Фауст, мой самый старинный друг...

Йорг ещё раз галантно поклонился, и женщина сделала лёгкий книксен в ответ.

– Агнешка – редкое имя для наших мест, – улыбнулся Георг.

– Да, я из Польши...

– О! Польша, моя любимая Польша... Краков, студенчество! Ты помнишь, Питер?!

– Конечно, друг мой, конечно... ты только не кричи.

– Прости, дружище! Просто воспоминания о родине твоей прекрасной супруги...

– Благодарю, – улыбнулась женщина, – я принесла вам немного вина. Обед будет через полчаса.

Поставив на стол поднос с бокалами, женщина улыбнулась мужу и скрылась за дверью. Фауст проводил её взглядом и ухмыльнулся.

– Как мужчина я тебя, конечно, понимаю и одобряю твой выбор...
– Но? – улыбнулся Питер.
– Но – свобода и наука всё равно важнее.
– Мне странны твои рассуждения, дружище! Какая связь? При чём тут наука и женщины?
– Вот, – поднял указательный палец Фауст, – именно, ни при чём!
– Ай, да ну тебя! Я счастлив, и с меня этого достаточно. И вообще – мы с женой хотим уехать из Трира.

– Куда, если не секрет?

– В Циметсхаузен.

– О Боги, это вообще где?

– В Баварии. Небольшая деревушка.

– Да? А звучит так, словно это на Марсе. Я так понимаю, это её идея, с отъездом?

– Нет, дружище, моя...

Фауст поднял брови и удивлённо воззрился на друга.

– И в связи с чем, позволь узнать?

– Хочу заняться новым делом.

– Это что же за дело такое, ради которого учёный твоего уровня бросает университет в прекрасном городе и уезжает в деревню на краю света?

– Скажу тебе по секрету: я хочу систематизировать все свои знания. Буду писать книгу.

– А! Да, это другое дело, – понимающе кивнул Фауст, – хорошая идея, друг мой.

– Я рад, что ты одобряешь, – улыбнулся Питер.

– Да, любая идея, которая ведёт нас к чему-то новому, уже хороша. Возможно, мы и живём ради наших идей, а может, и сама жизнь – это всего лишь чья-то идея.

– Интересная цепочка рассуждений. Раньше я от тебя подобного не слышал.

– Раньше я ничего подобного и не думал, – рассмеялся Йорг.

– Ну, хорошо, а теперь ты, дорогой мой, расскажи наконец, что же заставило тебя сбрить бороду?

Фауст усмехнулся, достал из кармана завёрнутый в тряпку нож и протянул его другу.

– Вот, прошу.

Гросштайн медленно развернул ткань и замер. Потрогав лезвие, он взял со стола лупу и внимательно осмотрел сталь.

– Это же... Нет, это невозможно!

Переведя изумлённый взгляд на товарища, Питер замотал головой словно телёнок.

– Нет, Йорги, это же была шутка... Наш учитель просто пошутил, ведь эти металлы не соединяются, они и сплавом-то быть не могут!..

– Дело не в сплаве, не в металле и не в учителе. Дело в идее, дорогой Питер! Если у человека есть в голове какая-то мысль, значит, она может быть реализована, иначе она бы просто не поместилась в его сознании.

– Нет, – Гросштайн замахал руками, – умоляю, не умничай, Йорги, просто объясни – как!

– Увы, – рассмеялся Фауст, – не могу! Ты же помнишь условия игры: каждое полученное сакрально знание остаётся у получившего оное и передаётся только ученику или рукописи.

– Фауст, у тебя нет учеников и ты ничего не пишешь!

– Вот и отлично!

Гость откинулся в кресле и поднял бокал.

– За путь познания и свободы!

Сделав глоток, он посмотрел на вино и одобрительно покачал головой.

– Отличное мозельское! Спасибо, дорогой Питер, порадовал.

Гросштайн, не выпуская из рук ножа, нахмурился и посмотрел на гостя.

– Йорги, не заговаривай мне зубы. Скажи, как?!

– Нет, дорогой, нет, а вот ты мне кое-что должен сказать...

Питер протянул клинок Фаусту.

– Чего ты хочешь?

– Ты знаешь, – Георг поставил бокал и взял нож.

– Да, знаю, – пробурчал себе под нос хозяин дома. – Знаю, и не в восторге от этого...

Затем, чуть помедлив, Питер поднялся и подошёл к книжному шкафу. Сняв с верхней полки дубовый короб и повернувшись к Фаусту, он внимательно посмотрел на него.

– Ты уверен, что тебе это нужно?

– Да, дорогой мой.

Питер протянул короб гостю и вернулся на свой стул.

– Надо же, – удивился Фауст, – она, оказывается, всё это время была у тебя?

Проведя рукой по тёмному гладкому дереву, он поднял глаза на друга.

– Ты что, ни разу не открывал его?

– Нет.

– И даже искушения не было?

– Не помню, – пожал плечами хозяин, – может, и было, просто я всегда понимал, что, однажды открыв эту книгу, закрыть её будет очень трудно, а может быть, и вообще невозможно.

– Да, – Георг перестал улыбаться. – Мастер выбрал правильного хранителя.

– Наверное, – вздохнул Питер.

Фауст ещё раз погладил морёный дуб и открыл короб.

– Да, воистину, «Habent sua fata libelli»⁴...

Вынув фолиант, он взялся было за металлические замки, закрывающие переплёт, но остановился и посмотрел на сжавшегося в кресле друга.

– Ну хорошо, хорошо... Я не буду открывать её в твоём доме. Кстати, клинок я оставлю у тебя. Займёшься разгадкой на досуге.

– Спасибо, Йорги!

В дверь постучали, и Питер облегчённо вздохнул.

– Пойдём, дружище, обед готов.

– Отлично, я голоден как зверь!

– Да, – хозяин перешёл на шёпот, – послушай, друг, у меня к тебе есть одна просьба. Не мог бы ты забрать у меня часть золота, а то я его наделал в прошлом году, а теперь нужно ехать и... ты понимаешь, при переезде нам будет тяжело, ну и мало ли что... Я не хочу лишних разговоров... Ну, ты меня понимаешь...

– Конечно, друг мой, – расхохотался Фауст, – конечно, помогу! Только от двух алхимиков можно услышать разговор, что у них много золота и оно им немного мешает.

– Тише, Йорг, прошу тебя! Какой ты всё-таки шумный... Ну, пойдём, пойдём...

За обедом гость был невероятно оживлён. Он шутил и веселил всю компанию, включая прислугу. Фауст то вспоминал весёлые истории студенчества, то рассказывал о своих приключениях в Азии. В общем, несколько часов пролетели как один миг. Неожиданно остановившись, Георг вдруг взглянул на своего друга.

– Питер, боюсь, мне уже нужно уезжать.

– Как?

– Да, – Агнешка удивлённо развела руки, – как же так? А десерт?

– Ну что вы, от десерта я ещё никогда не отказывался, – улыбнулся гость.

Отведав чудесного пудинга, гость улыбнулся и поцеловал хозяйке руку.

– Зачем... – смутилась женщина.

⁴ И книга имеет свою судьбу (лат.).

– Поверьте, Агнешка, это лучшее, что я когда-либо пробовал из десертов. Питер, ты счастливый человек, и я искренне рад за тебя! За тебя, твой дом, твою супругу и твоё чадо!

Подняв бокал, Фауст осушил его и встал из-за стола.

– Георг, ты уверен, что не хочешь остаться?

– Увы, друг мой. Ты же знаешь, скоро полнолуние, а к его началу я должен быть с книгой в Праге у часов.

Гросштайн нахмурился и, кивнув головой, развёл руками.

– Да, да... Ну, что же делать... Да, ты не забыл о моей просьбе?

– Конечно, дорогой мой, я заберу часть твоих... поделок.

Георг рассмеялся и подмигнул товарищу. Ещё раз поблагодарив хозяйку, друзья вернулись в кабинет Питера.

– И всё-таки ты бы мог задержаться. К чему такая спешка? До полнолуния ещё есть время, ты сам сказал.

– До полнолуния нужно кое-что подготовить, да что я объясняю, ты же всё знаешь. И учитывай, что ехать мне при такой погоде недели две, а то и три.

Хозяин дома внимательно посмотрел на гостя и неожиданно резко указал на кресло.

– Сядь.

Фауст удивлённо поднял брови – такого тона он никогда от своего друга не слышал. Медленно опустившись в кресло, Георг вопросительно посмотрел на него.

– Ты что-то хотел?

– Да.

Питер опустился напротив и, наморщив лоб, покачал головой.

– Не уверен, что ты сможешь меня услышать... Но я обязан это сказать.

Вздыхнув, он посмотрел на удивлённое лицо Фауста и продолжил:

– Как ты думаешь, почему Учитель оставил книгу именно мне?

– Понятия не имею.

– Потому что он был уверен в том, что я никогда её не открою. И ещё вопрос: почему ни один из артефактов он не передал тебе? Хотя все знают, что ты был его любимчиком.

– Да брось...

– Ответь!

Георг развёл руками.

– Ты ответь.

Питер вздохнул и посмотрел на друга.

– По-моему, он боялся за тебя.

– Боялся?

– Да... И, кажется, был абсолютно прав.

– Что ты имеешь в виду?

– Он боялся за твой разум, Йорг... Возможно... Возможно, потому что ты ищешь не истину, а...

– А что?

– А удовлетворяешь своё любопытство. И не более того...

Фауст усмехнулся и похлопал друга по руке.

– Не переживай так, мой дорогой! Если я ошибаюсь, то судьба меня поправит, а если я прав, то...

– То?..

– То этот мир будет вспоминать меня ещё лет сто или двести... А может – и больше!

– Боюсь, ты меня не услышал, – печально покачал головой хозяин.

– Значит, или не дано, или рано, или вовсе не нужно!

Питер безнадежно махнул рукой, и Фауст, расхохотавшись, поднялся с кресла и обнял друга.

– Ну, правда, не переживай так, дорогой мой! Я жив, ты жив, Агнешка и твой отпрыск живы и здоровы! И вообще, жизнь прекрасна и удивительна! Мир глуп, а жизнь прекрасна! И знаешь, этот парадокс меня нисколько не смущает. Даже наоборот, развлекает. Кстати, готовит твоя супруга и правда божественно!

– Да?.. Я рад, что тебе понравилось...

Хозяин поднялся из кресла и, подойдя к дальнему шкафу, нажал какую-то пружину. Внутри шкафа что-то щёлкнуло, и из-под ножек выехал небольшой ящик.

– Вот, тут то, о чём я говорил.

– И сколько здесь золота?

– Тише, Фауст... Килограммов четырнадцать... Ну, или около того...

– Ничего себе!

– Да, – Питер развёл руками, – я и сам не ожидал. Просто у меня оказалось слишком много свинца, ртути и...

– И ты наделал немножко золотых слитков, – расхохотался Фауст.

– Тише, прошу тебя, Йорги! Во-первых, не слитков, а монет...

– Ещё лучше!

Гросштайн открыл ящик и подвинул его к гостю.

– Вот.

– М-м-м... Да, – задумчиво протянул Георг, – многовато... И качество золота слишком высокое. Вот за это нас и преследовали! То создаём больше меры, то недостаточно создаём...

– Нет, друг мой, нас преследовали из-за людской алчности.

– Безусловно, это в первую очередь. Слушай, а почему ты его сам где-нибудь не закопаешь?

– Йорги, дорогой, меня же здесь каждая собака знает! Представляешь, профессор университета бегаёт по улицам с лопатой и мешком, а ты – неизвестный приезжий. И тем более, ты умеешь это делать лучше меня. Я уже давно забыл все магические формулы и знаки...

– Да, забыл, – усмехнулся Фауст, – так я тебе и поверил! Формулы, заклинания и практики, полученные нами в молодости, не забудутся, даже когда мы покинем этот мир. Ну, хорошо, дружище, я заберу у тебя половину, а остальное закопаю под нашей часовней...

– Я боюсь, её могут снести...

– Не бойся, ты же знаешь, золото само себя охраняет. Тем более – золото алхимика, спрятанное другим алхимиком.

– Да...

Питер вздохнул и посмотрел на друга.

– Скажи, ты действительно хочешь поехать в Прагу прямо сейчас?

– Да, а ты?

– Ну тебя, Йорги!

– Шучу, Питер.

– Знаешь, на дорогах нынче беспокойно, будь осторожен.

– Спасибо, друг мой!

– И с книгой тоже.

– Да не переживай ты так, мой дорогой!

– Я же чувствую, что ты что-то задумал и...

– Всё в порядке, я действую в соответствии с нашим старым договором и не более того. Всё, что я собираюсь сделать, никак не повредит ни тебе, ни твоей семье.

– Я сейчас о тебе говорю, друг мой. Ну да ладно, если ты что-то задумал, то переубедить тебя уже невозможно.

Георг рассмеялся и обнял товарища.

– Ты прав.

Стоя в дверях прихожей, Фауст ещё раз обнял Питера и поклонился Агнешке.

– Благодарю вас, мои дорогие, я провёл удивительный день!

– Жаль, что ты не можешь остаться ещё на денёк-другой.

– Да, – вздохнула хозяйка, – действительно жаль...

– Не переживайте, если судьбе будет угодно, то мы ещё свидимся!

– Господи, – всплеснул руками Питер, – где ты нахватался этих фраз про судьбу?!

– От одного путешественника из Московии. Преинтереснейший малый!

– Да?

– В следующий раз обязательно расскажу! Ну, прощайте!

– *Pozegnanie*⁵, – кивнула Агнешка.

– *Życze powodzenia*⁶, – улыбнулся в ответ Фауст.

Закрыв дверь за гостем, женщина посмотрела на супруга.

– Он очень сильный внутренне, твой друг, но...

– Но?..

– Очень одинокий.

– Это так заметно?

– Для женщины – да. И...

– И?..

– Он никого не любит...

* * *

Учёный шёл по улицам Трира, разглядывая дома. Странное чувство не отпускало его. Трудно сказать, почему, но он вдруг понял, что уже никогда не вернётся в этот город. После встречи со старым другом Фаусту вдруг стало грустно. Ему показалось, что все вокруг постоянно недовольны чем-то и он остался единственным, кому этот мир интересен именно таким, какой есть. Люди желают поменять мир, некоторые даже готовы поменять себя, но почти никто не хочет увидеть то, что есть, прямо сейчас и прямо здесь. А ведь многие называют себя умными людьми, учёными, алхимиками. Это было и странно и немного грустно.

Впрочем, Георг был не из тех людей, кто долго предаётся меланхолическим переживаниям. Встряхнувшись, алхимик перекинул отяжелевшую поклажу на другое плечо и направился в сторону центра города. Подойдя к любимой часовне, он споткнулся и едва не рухнул в свежерытую могилу.

– Ого!.. Что-то новое в наших краях! Странно, тут вроде давно никого не хоронят.

– Вы правы, – раздался сзади тихий голос, – давно не хоронят...

Георг повернулся и посмотрел на говорившего. Пожилой мужчина с желтоватой бородой, опершись на лопату, задумчиво оглядывал старый парк.

– Да, старые могилы – это места для размышлений, а не скорби. Городское кладбище теперь далеко отсюда. А вы, я так вижу, из этих мест?

– И да и нет, уважаемый. А что тут разрыли?

– Чьи-то родственники уверены, что костям предка приятнее будет лежать в другом месте.

– Им виднее, – ухмыльнулся учёный. – А что будет с этой ямой?

– Ничего. Сейчас я её закопаю, и вместо красивого постамента останется обычный холм.

⁵ Прощайте (*пол.*).

⁶ Успеха вам (*пол.*).

- Может, посадить тут дерево? Клён, к примеру.
- Может... Может, его даже кто-то оплатит?
- Конечно. Я очень люблю этот парк, и будет жаль, если здесь появятся новые дыры от старых могил.

Фауст вынул несколько монет и вложил их в ладонь старика.

- Вот. Давайте лопату, я слегка закидаю яму землёй, а вы пока сходите за саженцем.

Старик пересчитал монеты.

- Тут много!
- Ничего, – улыбнулся Георг, – на остальные вы выпьете за моё здоровье.
- С удовольствием, герр...
- Мюллер. Всегда Мюллер...
- Конечно, герр Мюллер.

Старик сунул монеты за пазуху и двинулся в сторону выхода. Фауст тем временем положил несколько мешочков с монетами на дно ямы и быстро закидал их землёй.

- Сто шагов от часовни строго на север. Клён. Ну, или что-то ещё...

Начертив лопатой на присыпанной земле несколько знаков, мужчина кинул несколько мелких камней и воткнул инструмент в землю. Оглядевшись вокруг, Георг поднял сумку и пошёл в сторону ворот. Не доходя до них, он вдруг замер и посмотрел на стоящую у ограды синюю повозку, возле которой сутился мальчуган лет двенадцати.

- Мальчик, чья это телега?
 - Папина, месье, он повредил себе спину сегодня, а её так и не отогнал.
 - Да, да. Я, кажется, его видел, а он починил её?
 - Я доделал, месье...
 - Хорошо. И что теперь папа намерен делать?
 - Не знаю, месье... Он сейчас в приюте у монахов-бенедиктинцев.
- Мальчишка вытер нос рукавом. Было видно, что он вот-вот расплачется.
- Как тебя зовут?
 - Пьер.
 - Пьер, я готов купить у тебя эту повозку, с кобылой, разумеется.
 - Спасибо, месье.

Фауст вынул из кармана монету и кинул её мальчугану на ладошку.

- Но... Это очень мало...

– Я даю – ты берёшь, и я забираю телегу, или ты возвращаешь мне деньги и оставляешь колымагу себе. Выбор за тобой.

В глазах подростка блеснули слёзы.

- Мне нужны деньги... Мне и папе... У него спина, а он... ему нужно работать...

– Не пытайся вызвать во мне жалость, у меня её нет! Во мне есть только уважение к здравому смыслу и аккуратности, а папе скажи, что нужно быть внимательнее в работе. Он повредил себе спину по собственной глупости. Что вы вообще собирались делать в Трире?

Пьер выпрямился и сквозь текущие слезинки посмотрел на мужчину.

- Папа вёз меня учиться... Математике, химии, астрологии...

Фауст, занёсший было ногу над ступенькой повозки, замер. Затем медленно повернулся к парнишке.

- Математике?

Быстро подойдя к юноше, учёный написал веткой на земле несколько цифр.

- Умножь на семь.
- Восемьсот шестьдесят один.
- В уме считаешь?
- Да.

Вынув из кармана маленький клочок пергамента, Георг что-то написал на нём и протянул мальчику.

– Вот, это адрес моего друга, пойдёшь к нему и скажешь, что я тебя прислал. И вот ещё...

Вынув из внутреннего кармана мешок с монетами, учёный кинул его Пьеру.

– Это на учёбу, не трать без смысла. И скажи моему другу, что его тяжёлая ноша – под новым деревом у часовни. Но больше никому об этом!

– Да, месье.

– Запомнил?

– Да, месье.

Изумлённый парнишка развязал мешочек, пересчитал монеты и уставился на странного господина.

– Спасибо вам, месье...

– Фауст. Георг Фауст. К вашим услугам, господин школяр.

– Да, месье Фауст... Конечно... Я буду молиться за вас!

Алхимик остановился и повернулся к мальчугану.

– За меня не нужно молиться. Ни мне, ни богу не нужны молитвы, этому миру вообще не нужны молитвы, ему нужны дела.

Запрыгнув на козлы, учёный шлёпнул по крупу лошадь и направил повозку в сторону чёрных ворот.

* * *

Дорога освобождает. Она помогает человеку отпустить иллюзии, которые он считает стабильностью. Фауст не просто любил дорогу, он жил ею. Это было удивительное предвкушение нового и потрясающее чувство прощания с прошлым.

«Ты волен как ветер, ты лёгок как пух,
В стремлении к высшей свободе
Себя потеряв, обретаешь ты дух
И силу в грядущем походе...»

Вспомнив строчки своего учителя, Георг улыбнулся. Мастер был склонен к артистизму. Впрочем, это было всего лишь маской. Маской великого ума.

Для учителя все люди делились на две категории: те, кто может, и те, кто стонет. Последних было, само собой, большинство. По его мнению, только 5 % всех живущих на Земле занимаются своей жизнью, остальные – обслуживают чужие интересы. Из этих пяти процентов лишь пять процентов готовы стать учениками. И только пять процентов от этих пяти дойдут до конца. На чём основаны были вычисления и что было взято за основу этой теории, оставалось Фаусту не совсем понятным, поэтому он несколько скептически относился к формуле учителя. Хотя – некоторая доля истины здесь всё же была.

Занятый размышлениями, учёный не заметил, как надвинулись сумерки. Остановив лошадь, он привстал и огляделся. Его обступали только тёмные леса. Хотя... Неподальку от опушки он заметил тусклый огонёк. Развернув повозку, учёный медленно тронулся в сторону света. Метров через пятьсот он остановился и прыгнул на землю.

– Кто вы?

Голос из-за дерева возле дома был не особенно дружелюбным.

– Простите, я обычный путник. Я еду в Прагу из Трира...

– Поздновато для путешествий!

– Задумался, знаете ли, а время в мыслях летит незаметно...

– Вы кто?

Из тени выступила мужская фигура с фальшионом. Фауст уважительно качнул головой, глядя на оружие.

– Великолепный образец! Это у вас, я так понимаю, последняя модель?

– Я смотрю, вы разбираетесь в оружии?

– Немного, герр?..

– Ханс Шмидт.

– Очень приятно, Георг Фауст.

– Вы подвергаете себя опасности, герр Фауст. Лесная дорога опасна, особенно по ночам. Та короткая, к которой вы ехали, сейчас вообще заброшена. По рассказам, там орудует какая-то шайка. У нас сейчас очень беспокойно.

– Спокойствие – иллюзия тех, кто верит в смерть и не доверяет жизни.

Хозяин распахнул калитку и по-дружески протянул руку путнику.

– Простите, не понял? – удивлённо приподнял брови Ханс.

– Всё – иллюзии и страх тоже.

– У вас речь образованного человека!

– Я вырос в Баварии. Скажите, а нет ли поблизости какого-нибудь трактира или постоянного двора?

– Боюсь, он будет далековато отсюда. Вы можете остаться у меня, сегодня я один. Жена с детьми уехали к родственникам.

– Благодарю вас, герр Шмидт. Я вам заплачу за неудобства.

Хозяин распахнул обе створки ворот и загнал повозку во двор. Расседлав животное, мужчина отвёл его к корыту с водой.

– Хорошая кобыла, герр Фауст, а вот телега ужасна.

– Да, согласен с вами. Я купил её у одного несчастного француза.

– А-а-а...

– Да, он повредил себе спину, и я выручил бедолагу и его сына.

– Вы добрый человек, герр Фауст.

– Зовите меня Георг. А что есть доброта, уважаемый Ханс?

– Не знаю, Георг... Вы умный человек, это сразу видно, вы и скажите!

Мужчины вошли в дом, и хозяин закрыл дверь. Чистый уютный домишко являл собой образец немецкой аккуратности. Белоснежные занавески на окнах и кружевные салфетки на столе вызвали у Фауста невольную улыбку.

– А чем вы занимаетесь? – осведомился он у хозяина.

– Чем может заниматься человек с фамилией Шмидт?

– Ах, ну да, – рассмеялся гость, – значит, мы с вами в некотором роде коллеги.

– Вы тоже кузнец, герр Фауст?

– Почти – я учёный, а последнее время занимался сплавами.

– О, это очень интересно!

Услышав про сплавы, хозяин радостно закивал головой и, заговорщически подмигнув гостю, достал небольшой графин с зелёной жидкостью.

– Значит, нам есть о чём поговорить, Георг!

– Да, а это, позвольте узнать, что такое?

– Шнапс, моего собственного приготовления! Настоян на восемнадцати травах Баварии!

– Потрясающе!

За накрытым столом Фауст пустился в рассказы о своих странствиях по миру, не забывая упоминать о качествах и свойствах металлов в разных странах. Особенно хозяина поразил рассказ об индийском железном столбе, который стоит уже больше тысячи лет и не ржавеет.

Слушавший с большим интересом все рассказы хозяин дома в конце повествования, когда Йорг упомянул нержавеющее железо, скептически улыбнулся и покачал головой:

– Нет, простите, герр Фауст, при всём уважении, но этого не может быть... Железо – оно и в Индии железо.

– Да, дорогой мой Шмидт. Вопрос только в том, как его выплавлять. И возможно ли сделать железо так, чтобы в него не попал воздух при плавке...

– Да. И при остывании тоже.

– Именно.

– То, что вы рассказываете, – крайне интересно, но многие из этих историй я уже слышал...

– Историй?

Георг наклонился и достал из-под стола свой походный чемоданчик. Порывшись, он извлёк из него небольшой толстый клинок. Нажав на кончик лезвия, он легко согнул его и тут же отпустил. Лезвие мелодично взвизгнуло и, секунду подрожав, встало на место.

Протрезвевший от такого зрелища кузнец поражённо уставился на нож. Фауст, улыбаясь, протянул его хозяину и налил в рюмки шнапс.

– Вот так, герр Шмидт! А вы говорите – истории...

Опрокинув рюмку, учёный подмигнул ошалевшему Хансу.

– Как вам?

– Это... Этого не может быть... Лезвие такой толщины не может вот так...

– Вот интересно устроен человек. Ему проще отрицать очевидное, чем признать свою ошибку или осознать невежество. А ведь это верный путь в тупик, уважаемый. Казалось бы, чего проще. Увидел опровержение, понял, что ошибся, – и начинай осваивать новое! Так нет же, всё существо человеческое этому сопротивляется!

– Герр Фауст, я не понимаю...

– Я тоже, дорогой мой, я тоже...

– Как лезвие такой толщины может вот так...

Ханс проделал ту же манипуляцию с ножом, что и гость, и всё с точностью повторилось.

– Как?!

– Просто, друг мой, – улыбнулся Фауст, – утех, кто это делал, не было знаний, что этого сделать нельзя.

Обалдевший от услышанного и, в первую очередь, от увиденного, бедолага Шмидт чуть не протёр ладонью дыру у себя на голове. Взяв в руки клинок, мужчина пришёл в крайнее возбуждение. Он то ковырял лезвие, то пробовал его на зуб, то принимался стучать им по столу. Уставший от дороги и созерцания ополоумевшего кузнеца Фауст зевнул и огляделся.

– Простите, дорогой Ханс, а где бы мне...

Кузнец оторвался от ножа и удивлённо посмотрел на гостя, как будто тот только что появился.

– Ах да... Вы, наверное, устали... Пойдёмте, герр Фауст, я положу вас в прекрасной комнате. У меня к вам, правда, есть одна просьба...

– Да, вы можете делать с этим лезвием что хотите, только не пытайтесь его расплавить.

– Ну что вы, герр Фауст! Что вы!..

Хозяин ещё что-то пытался сказать, но уставший гость вежливо выпроводил его из комнаты. Впрочем, он не особенно упирался – ведь в гостиной лежал тот самый волшебный клинок.

Скинув одежду, Георг бросил её на спинку кровати и, плюхнувшись на перину, мгновенно отключился.

* * *

Утро началось с ощущения чьего-то взгляда. Фауст сквозь сон почувствовал, как кто-то пристально смотрит на него. Неприятное, нужно отметить, чувство. Приоткрыв один глаз, учёный разглядел фигуру кузнеца. Бедняга с осунувшимся лицом стоял у кровати гостя и что-то тихо и растерянно бубнил себе под нос.

– Доброе утро, Ханс.

– Доброе, герр Фауст... Доброе... Я, собственно, и говорю, что это возможно и, мне кажется, я понял, в чём суть...

– Вы не против, – раздражённо спросил гость, – если я встану и приведу себя в порядок, а потом мы поговорим?

– Да, конечно, герр Фауст, конечно... Я и говорю – я, кажется, понял...

Осознав, что от съехавшего с катушек кузнеца ничего добиться не получится, Фауст поднялся и, натянув штаны, вышел из дома. Окатив себя ледяной водой из колодца, алхимик сделал несколько странных движений и, резко выдохнув, улыбнулся.

– Так-то лучше.

Вернувшись в дом, он обнаружил стоящего посреди комнаты в том же положении кузнеца, что-то говорящего самому себе.

– М-м-м... да, – протянул учёный, – боюсь, с завтраком мне сегодня не повезло.

Неожиданно хозяин дома повернулся к нему:

– Я приготовил вам завтрак, герр Фауст. У меня к вам одна просьба...

– Спасибо, милый Ханс, за заботу, но клинок я вам оставить не могу.

Мужчина сник и печально опустил на стул.

– Но, – весело заметил Георг, – я напишу вам формулу сплава.

– Да?!

Шмидт аж подпрыгнул вместе со стулом.

– А как... как я её прочту? Я же не умею... Я не...

– Учитесь, дорогой мой, учитесь, – улыбнулся Фауст, усаживаясь за стол.

– Да... Да, учиться... Но мне уже почти тридцать!..

Поникий хозяин налил гостю горячий отвар из трав в небольшую кружку и пододвинул тарелочку с нарезанными колбасами.

– Ну и что, что тридцать? Учение, уважаемый Ханс, – это не вопрос возраста, это вопрос качества ума!

– Что?..

– То!

Быстро позавтракав, учёный вытащил из кармана свой карандаш и начертил прямо на столе формулу.

– Вот, это то, что касается ножа. Спасибо вам за гостеприимство, герр Шмидт.

Фауст положил на стол две золотые монеты.

– Надеюсь, мы с вами ещё увидимся.

– Да... Да, конечно...

Кузнец засеменил вслед за учёным на улицу.

– Но как же мне прочесть её?.. Это же...

– Ну, попросите кого-нибудь перевести её вам.

– Перевести... Так они же сами захотят... Того, её...

Фауст остановился и посмотрел на мужчину в упор.

– Скажите, Шмидт у вас есть дети?

– Да, четверо. Три мальчика и дочь.

– Они учатся?

– Да, конечно. Они мне помогают...

– Вы не поняли. Я не спрашиваю о помощи вам. Я говорю: они учатся чему-нибудь такому, чему вас не учил ваш отец? Они познают мир, науки, новые ремёсла?

– Нет, герр...

– Нет? Тогда что вы от меня-то хотите?

Окончательно растерявшийся хозяин вывел запряжённую повозку Фауста за ворота.

– Так что мне...

– Что делать?

– Да.

– Учиться самому и учить своих детей, дорогой Шмидт!

Хлестнув кобылу, учёный направил её в сторону почти заросшей колеи, ведущей в лес.

Щебет немногочисленных птиц, белки, прячущие последние запасы, – всё это действовало на учёного умиротворяюще. Фауст с удовольствием наблюдал за почти облетевшим осенним лесом. Вот-вот наступит зима. Остановив повозку, учёный слез и направился в чащу. Присев на корточки, он раздвинул опавшую листву и потрогал крошечный росток дуба.

– Ты-то мне и нужен, дружок!

Аккуратно окопав ямку, учёный достал растение и понёс его в телегу Положив дубок в небольшой мешочек, Георг собирался уже было сесть в коляску, как вдруг почувствовал что-то острое у своего горла.

– Тихо!

– Простите?..

Фауст хотел повернуться, но клинок ещё сильнее впился в его шею.

– Не дёргайся!

Голос мужчины был грубым, с явным южным акцентом.

– Я учёный...

– Пень толчёный! – сострил кто-то сзади.

Несколько голосов дружно гаркнули в некоем подобии смеха.

– Простите, господа, но мне нужно ехать.

– А нам нужны деньги, – хмыкнул мужчина с клинком.

Подойдя ближе, он похлопал Фауста по сюртуку.

– О! Что-то звенит...

В следующую секунду алхимик заломил нападавшему палец и, выбив из рук наглеца короткую шпагу, приставил остриё к его горлу и огляделся. Метрах в семи от них стояли ещё четверо мужчин разного возраста. Судя по одежде и запаху костра, своё время компания проводила в лесу. Слегка ошалев от такого поворота, нападавшие замерли, но, быстро взяв себя в руки, выхватили клинки.

– Эй ты, отпусти его! – крикнул долговязый, стоящий поодаль.

– Отпустишь – останешься жив, – кивнул молодой.

– Вряд ли, – покачал головой учёный, – однажды все умрут.

– Да, – кивнул тот, которого крепко держал Георг, – но ты сможешь ещё немного пожить...

– Правда? Ну что же, пожалуй, я так и сделаю...

Неожиданно алхимик оттолкнул от себя нападавшего, и тот, выхватив из сапога нож, оскалился.

– А вот теперь тебе конец, умник!

– Нет, – спокойно покачал головой Георг, – сегодня мы все останемся живы. Но, боюсь, не все будут здоровы...

Его поразительное спокойствие заставляло разбойников нервничать. Глядя на этого странного путешественника, они никак не могли напасть на него, сами не понимая – почему. Фауст улыбнулся.

– Значит, вы убиваете людей ради денег?

– Чего?

Длинный явно начинал паниковать.

– Я спрашиваю: вы готовы убивать, чтобы получить жёлтый металл? Вот такой, например. Вынув из кармана золотую монету учёный показал её нападавшим. Те заулыбались.

– Да!

– На большее ума не хватает?

– Что?..

– Я говорю: вместо того чтобы создавать, вы только разрушаете?

Бандиты снова напряглись. С подобной реакцией у одиноких путников они сталкивались впервые. Тот, что стоял ближе к Фаусту, видимо, был у них за главного. Прищурившись, он внимательно посмотрел на странного незнакомца.

– А тебе какое дело?

– Пока вы на меня не напали, никакого не было. Но теперь – это и моё дело тоже.

– Слушай ты, пень...

Длинный хотел что-то сказать, но Фауст поднял руку, и тот неожиданно для самого себя замолчал.

– Я понял тебя, мой долговязый друг, тебе не терпится приступить к делу. Ну, что же, пусть будет по-твоему.

В следующий миг учёный нанёс два коротких и быстрых удара ближайшему бандиту. Тот взвыл и схватился за лицо. Прыгнув в сторону, Георг увернулся от двух человек, вновь последовало несколько коротких ударов – и ещё двое нападавших корчились на земле, держась за глаза. Длинный кинулся на Фауста, но тот, перепрыгнув через повозку, зажал его клинок под сапогом и тут же врезал нападавшему рукояткой ножа по физиономии. Ещё прыжок – и учёный нанёс точно такие же удары длинному прямо в стремительном полёте. Последний из нападавших, увидев происходящее, попытался сбежать, но выхваченный алхимиком нож догнал его, воткнувшись точно в центр позвоночника.

Пятеро кричащих от боли и ужаса мужчин ползали по грязной осенней земле. Фауст отряхнулся и, подняв упавшее растение, положил его в повозку. Медленно повернувшись к разбойникам, он со вздохом заметил:

– Так вот, мои новые знакомые. Я продолжу! Будучи категорическим противником смертной казни, я, тем не менее, считаю, что человек должен выучить свои уроки, и не где-то там, в неведомой загробной жизни, а здесь и сейчас. А потому – я выколол вам глаза, а вам, молодой человек...

Учёный подошёл к последнему из нападавших, лежащему на животе и беспомощно царапающему руками камни.

– А вам я пробил позвоночник, и теперь вы, мой безмозглый друг, будете парализованы. Впрочем...

Фауст вынул из спины несчастного свой нож, и бедолага разразился криком.

– Впрочем...

Алхимик посмотрел на перекошенное от боли лицо бедняги.

– Глаза оставим, так будет справедливо.

Забравшись на козлы, учёный проверил, как упакован его росток, и оглянулся на лежащих.

– Вы хотели получить всё, не отдав взамен ничего, но так не бывает, это иллюзия. За всё в этом мире приходится платить, а за свои иллюзии – дороже всего...

С этими словами учёный хлестнул лошадь и направил повозку в Богемию.

Дорога в Прагу была для Фауста не просто путешествием. Это было его место и силы, и боли одновременно.

Впервые он попал в этот город с отцом. Фаусту едва исполнилось двенадцать, когда умерла его мать. Для Георга это была величайшая потеря. Мать была единственным человеком на свете, с которым он мог говорить обо всём. Почти месяц он ходил как тень по дому, зажав в руке маленькую золотую розу, которую сделал для неё, когда был в учениках у ювелира. Йорг не мог привыкнуть к тому, что её больше нет. Отец же напротив, воспринял её уход чрезвычайно спокойно. Казалось, он уже давно был готов к этому.

Единственное, что его тревожило, это состояние сына. Увидев однажды Фауста, сидящего с маминым платком и золотой поделкой, которую он для неё выплавил ко дню ангела, Йохас понял, что дальше так продолжаться не может, и начал действовать. Распродав всё имущество по хорошей цене, оставил только старого коня и крепкую повозку. Собрав все вещи, погрузил их на телегу и усадил юного Фауста впереди.

– Ты сам будешь править.

Это было для Георга полной неожиданностью.

– Я?!

– Да, это твоя жизнь, тебе и править.

– А куда мы едем?

– Ты едешь учиться.

– Чему?

– Тебе решать.

Йорг посмотрел на отца.

– Пап, а до Праги нам сколько ехать?

– Столько, сколько мы захотим, – сказал отец и запрыгнул в телегу.

Сдержанный и немногословный Фауст-старший понемногу оттаивал. Казалось, чем дальше отец и сын удалялись от дома, тем легче обоим становилось на душе. Путешествие стирает прошлое в дорожную пыль.

Мальчик слушал рассказы неожиданно ставшего разговорчивым отца, открыв рот. Ему казалось, что он впервые видит и слышит этого человека. Йохас на самом деле в первый раз говорил со своим сыном не как с ребёнком, а как с другом. С другом, который пережил потерю вместе с ним.

Фауст не помнил, сколько времени у них заняла поездка. Может, это был целый год, а может – несколько дней. Но каждый из этих дней был по-своему удивителен.

Йохас рассказывал сыну обо всём, что знал. И его знания не были отвлечёнными. Всё имело свою ценность. Свойства растений и то, как их применять в медицине. Повадки животных и как наладить с ними контакт. Только сейчас юный Георг начал понимать, что имел в виду отец, когда говорил: «Учись!»

– Знания умножают скорбь, если знания не имеют применения...

Георг никогда не знал, что Фауст-старший так много путешествовал. «Когда он всё это успел?!»

Юноша открыл для себя совершенно иной мир – мир своего отца. Это был тот удивительный момент, когда то, о чём ты и не мечтал, просто взяло и сбылось.

Он гулял с отцом по старой Праге и слушал, слушал, слушал... Это было потрясающе. Йохас рассказывал о том, как строился и перестраивался этот город. О том, кто проектировал и создавал эти архитектурные шедевры. И, конечно, о многих других тайнах, что хранила Прага.

Они остановились на три дня в небольшом постоялом дворе в Градчанах. И это были три самых волшебных дня в жизни мальчика. Прогулки и рассказы отца, что ещё нужно юноше.

Отец никогда не гулял просто так, он всегда шёл с какой-то целью. Фаусту казалось, что Йохас кого-то ждёт или ищет. И оказался прав.

В последний день они, как обычно, зашли в харчевню на окраине города. Отец был немного взволнован и часто поглядывал на дверь. Когда ужин подходил к концу, дверь открылась и на пороге харчевни появился он. Станный мужчина с длинными белыми волосами. Отец приветствовал его стоя.

Незнакомец опустился за столик и, улыбнувшись, поприветствовал Фаустов. Дальше мужчины говорили на непонятном мальчику языке. Георг пытался понять, о чём идёт речь, но тщетно.

Единственное, что он уловил, – странный гость будет теперь учить его. Чему и как – осталось для Йорга загадкой. Беловолосый внимательно рассматривал нового ученика. Фауст старался выглядеть как можно более спокойным.

Под конец разговора Фауст-старший повернулся к сыну.

– Это были славные дни. Я рад, что провёл их с тобой...

У юного Георга в этот момент почему-то сжалось сердце и в глазах выступили слёзы. Отец обнял его. Это был первый и последний раз, когда он проявил к сыну такую открытость. Маленький Йорги вцепился в полог его плаща.

– Не уходи, папа...

Йохас поднял голову сына и заглянул ему в глаза.

– Никто никуда не уходит, всё лишь иллюзия. Просто она нужна для нашего обучения...

– Я не понимаю...

– Я тоже не сразу понял, – усмехнулся отец.

Передав гостю какие-то бумаги, Йохас встал из-за стола.

– Пойдём, сынок, у нас есть ещё один вечер для прогулок. В жизни нужно использовать каждое мгновение. Новые всегда будут, а того, что сейчас, – уже никогда.

Это был самый удивительный вечер. И самый страшный. Тогда отец повёл юного Фауста к Пражским часам и весь вечер рассказывал о том, как создавалось это волшебное место и удивительные часы. Георг слушал отца, и ему безумно хотелось, чтобы этот вечер не заканчивался никогда. Но, увы, так не бывает. Когда уже почти стемнело, Йохас похлопал сына по плечу.

– Пора...

Возвращаясь с прогулки, отец неожиданно захотел вернуться в трактир. Выйдя на Kralovska cesta, он вдруг остановился и, подняв голову, улыбнулся.

– Как хорошо, как свободно...

В следующее мгновение вылетевшая неизвестно откуда карета, запряжённая белоснежными лошадьми, сбила его с ног. Георг бросился к отцу.

– Папа! Папа, не надо... Пожалуйста, папа!..

Что было дальше, он плохо помнил. Чужие руки пытались оторвать его от отца, голоса, крики, женский плач...

Повозку тряхнуло на корне, и Фауст мотнул головой. «Нет, этого нельзя себе позволять. Actum ne agas⁷. И это верно».

Георг порывлся в вещах и вынул небольшую резную дудочку.

– Две недели и пустая дорога, – улыбнулся алхимик, – есть возможность постичь непостижимое.

Поднеся инструмент к губам, он попробовал исполнить простенькую мелодию. Лошадь фыркнула и протестующе замотала головой. Йорг поднял на неё глаза.

– Вот только твоего мнения о музыке мне как раз и не хватало!

⁷ В прошлое не возвращайся (лат.).

Закрыв глаза, алхимик вновь заиграл на своём нехитром инструменте.

Когда занимаешься любимым делом, время летит незаметно, а самая длинная дорога становится короткой прогулкой.

* * *

Прага встретила Фауста холодом, мокрым снегом и запахом жареного мяса. В первом же переулке учёный продал свою лошадь и повозку подвыпившему горожанину и, собрав свои вещи, направился в пивную, с которой начинал каждый свой приезд в этот город.

Устроившись за столиком в углу, учёный заказал тёмного пива и колбасок с острым соусом. Сделав большой глоток пенного напитка, алхимик блаженно улыбнулся и одобрительно кивнул хозяину харчевни.

– Великолепно! Как всегда, впрочем.

– Рад это слышать, – отозвался хозяин, – давно вас не было видно, господин Мюллер.

– Да, дела, друг мой, дела...

Наткнувшись взглядом на соседний столик, владелец заведения нахмурился.

– Зденек, прошу тебя, забирай своего деревянного друга и уходи. Я всё равно не дам тебе больше в долг!

– Это Христос, – отозвался молодой человек из-за соседнего столика.

– Пока священник не освятил, это просто истукан, – буркнул хозяин.

Фауст с удивлением оглядел странную пару за соседним столом. Войдя в пивную, ему и в голову не пришло, что это не два человека, а один и скульптура.

– Потрясающе!

Юноша глянул на говорившего.

– Что, простите?..

– Я говорю, потрясающая работа!

– Вы полагаете? – с сомнением протянул скульптор.

– Конечно! Меня зовут Георг Фауст.

Художник протянул руку.

– Зденек Сметана. А почему вас называют Мюллер?

Учёный рассмеялся.

– В некоторых местах я так знаменит, что моё имя стало нарицательным. Поэтому, дабы не трепать его лишний раз, я представляюсь Мюллером. Замечательное безликое имя.

– Понятно...

Юноша покосился на пиво и ароматные колбаски своего собеседника. Заметив его голодный взгляд, Фауст щёлкнул пальцами и поманил официантку.

– Принеси-ка, душечка, ещё порцию жареных колбасок и пива для моего нового знакомого, я угощаю.

– Сию минуту, пан Мюллер.

– Спасибо вам...

– Пустяки, мне приятно угостить одарённого человека.

Зденек вздохнул и покачал головой.

– Одарённого? Возможно... а толку? Я как ни сделаю что-нибудь, то всё не то и не так... То священнику святые слишком весёлые, то Богородица слишком красивая, а Христос и вовсе не угодил. Он, говорит, у тебя уставший какой-то...

Услышав это, Фауст хлопнул ладонью по столу и весело расхохотался.

– Передай вашему священнику, что Христос устал от своих последователей и особенно – от жрецов!

– Ну да... Если я такое скажу – вообще останусь без работы...

Девушка принесла пиво, еду и поставила их на стол перед художником. Состроив Георгу глазки, она бросила на скульптора презрительный взгляд и, покачивая бёдрами, удалилась. Молодой человек ещё раз поблагодарил учёного и набросился на еду. Наблюдая за тем, как юноша поглощает горячие сардельки, Фауст улыбнулся.

– Не торопитесь, друг мой, они уже не убегут никуда, они жареные! Может, ещё пива?

Зденек оторвался от еды и кивнул. Алхимик вновь расхохотался и показал официантке два пальца и кружку. Заглотив остатки еды, юноша влил в себя пиво и довольно улыбнулся.

– Спасибо...

– Прожуй, прожуй...

Учёный от души веселился, глядя на молодое дарование. Пересев за его столик, Георг внимательно осмотрел статую и, переведя взгляд на юношу, задумчиво покачал головой.

– Да... Тяжело тебе придётся, дружок...

– В смысле?

Жующий талант уставился на Фауста.

– В смысле – ты намного опережаешь своё время. Твои работы современники вряд ли поймут. Да и ближайшее поколение тоже...

Молодой человек поставил кружку на стол и глубоко вздохнул.

– Да, я это уже понимаю...

В его глазах блеснули слёзы.

– И что мне делать? Я же не могу по-другому... Я пишу картину только так, как могу... Я делаю Христа таким, каким я его чувствую... а мне говорят, что... Я... я не знаю... Что мне...

Алхимик покачал головой.

– Страдания – это не решение. Вытри сопли и делай выбор!

– Что? Какой выбор?

– Выбирай свою линию жизни!

– В смысле? Я не понимаю...

Фауст сделал глоток из новой кружки с пивом.

– Никто не понимает. Это не вопрос понимания, это вопрос выбора. Ты можешь упрямо продолжить делать то, что считаешь нужным. Или ты можешь пойти на поводу у заказчиков. Или попытаться найти компромисс. Но это должен быть чёткий и осознанный выбор, иначе ты всю жизнь будешь вот так хлюпать носом в таверне и ходить голодным с протянутой рукой.

Зденек сник и, отодвинув от себя кружку, покосился на учёного.

– А как лучше?

– Понятия не имею! Это твоя жизнь. Если выберешь первое – то, скорее всего, большую часть жизни будешь ходить голодным, а может – и всю жизнь, а потом помрёшь в нищете и безвестности, но с гордо поднятой головой и выполненной миссией. Впрочем, возможно, признание и придёт к тебе, но вряд ли это случится скоро. Если же пойдёшь на поводу у толпы, то сможешь хорошо заработать, но, вероятно, под конец жизни будешь проклинать сам себя за предательство идеалов.

– А компромисс?

– А компромисс ещё никому не удался, – рассмеялся Фауст. – Это иллюзия... Но знаешь, что я тебе скажу. Твой Христос потрясающий! Во-первых, он и правда как живой... И...

– И?..

Георг посмотрел на статую и провёл по лицу Спасителя рукой.

– И ты заставил меня задуматься об этом человеке. Интересно, чего он хотел...

– Помочь людям, – пожал плечами юноша.

– Ай, – Фауст махнул рукой, – что он сам хотел? Как человек...

Зденек захлопал глазами и уставился на алхимика.

– Я об этом никогда не думал...

– Я тоже, а вот сейчас стало интересно. Ну, хорошо, мой юный друг, я рад был познакомиться с таким одарённым скульптором, но, боюсь, мне пора идти.

– А может, вы у меня купите статую?

– На что она мне?

Юноша вздохнул и сделал ещё глоток пива.

– Как думаете, он вернётся?

– Кто? – обернулся Фауст.

– Христос.

Учёный пожал плечами.

– Вряд ли. Да и некуда ему возвращаться. Оглянись, кому он нужен живой? Он всем нужен мёртвый.

Ещё раз посмотрев на скульптуру, мужчина ухмыльнулся.

– А уж такой, задумчивый и уставший, и подавно. Эдак, глядя на него, люди начнут на полном серьёзе задумываться о своей жизни...

Фауст кивнул юноше, бросил подошедшей официантке несколько монет и, надев шляпу, вышел на улицу. Вечерняя Прага обдала его холодом и мокрым снегом. Пройдя несколько кварталов, учёный приблизился к небольшому дому и постучал в дверь. Через минуту послышалось шарканье и из-за открывшейся двери показалось бородатое лицо. Внимательно осмотрев Фауста, человек за дверью что-то грубо сказал на непонятном языке, и дверь закрылась. Алхимик ухмыльнулся и постучал ещё раз.

– Самуил, открывай и не морозь меня тут!

Дверь слегка приоткрылась, и бородатый мужчина вновь что-то буркнул.

– Да я понял, что ты не рад меня видеть...

– Дверь моего дома – не твоя дверь!

– Хватит на меня фыркать, – усмехнулся Фауст, – у меня чёрно-белая книга. Открывай, или я действительно пойду в другое место!

Дверь открылась, и бородач подозрительно посмотрел на гостя.

– Чего у тебя?

– Того! Пусти меня в дом, тут холодно.

Хозяин дома открыл дверь и пропустил незваного гостя.

– Проходи, мерзавец.

– Я тоже рад тебя видеть, – кивнул алхимик.

Скинув мокрый плащ, Фауст прошёл за хозяином в комнату и остановился на пороге. За накрытым столом сидело несколько мужчин. При появлении учёного они резко перестали говорить и поставили на стол кружки. Судя по выражению лиц, собравшиеся готовы были увидеть кого угодно, только не того, кто вошёл. Мужчина, сидевший ближе всех к двери, поднял брови.

– Ты откуда взялся?!

– Оттуда, откуда и всё человечество, – насмешливо кивнул гость, – у меня к вам разговор.

– У нас нет с тобой общих дел и быть не может, – отозвался небольшого роста еврей.

– Есть, Иаков, есть... У каждого из вас есть ко мне разговор.

Хозяин дома вошёл в комнату и поставил на углу стола стул.

– Садись, Георг, и рассказывай.

Гости удивлённо посмотрели на хозяина.

– Спасибо, – Фауст опустил на стул и улыбнулся. – У меня чёрно-белая книга, господа евреи. Вам это интересно?

Мужчины замерли. Было видно, что сказанное для них – полная неожиданность. Рыжий, что сидел напротив учёного, подозрительно прищурился и качнул головой.

– И ты можешь её показать?

– Я могу её тебе даже подарить, Менахем!

Гости замерли.

– Но...

– Вот, – Соломон поднял палец, – это «но» меня и пугает! Что ты задумал, чёртов колдун?!

– Вот только не надо этой вульгарности, – скривился Фауст, – не вам, уважаемым каббалистам, на эту тему шуметь.

– Да, – кивнул Менахем, – обойдёмся мирным разговором. Чего ты от нас хочешь?

– Пустяк.

– Твой пустяк однажды стоил нам знаменитой печати... Где она?!

– Соломон, прошу тебя, – предостерегающе тронул его за плечо сосед.

– Не нужно меня просить! Я не хочу и не буду иметь с этим человеком никаких дел! Я думал, что он пришёл вернуть то, что взял...

– И не ошибся!

Фауст встал.

– Так и есть! Я готов перед вами извиниться и загладить свою вину.

– Как?! Ты отдал нашу печать, которую сделал сам ребе Амрам!..

– Хватит на меня кричать, уважаемые паны!

Алхимик сунул руку в карман и вынул небольшой медальон. Покачав вещь на цепочке, он опустил её перед собравшимися в центр стола. В то же мгновение мужчины кинулись разглядывать реликвию. Минут через пять, когда страсти улеглись, все затихли и усталились на Фауста.

– Иоганн Георг, ты его не?..

– Нет, Соломон, я никогда не оставлял его султану! Он получил только копию, я тебе даже больше скажу: оригинал никогда не покидал Прагу.

Высокий мужчина поправил кипу и покачал головой.

– Ты хитрая, наглая бестия, Фауст!

– Спасибо, Ицхак, – кивнул учёный, – от тебя это особенно приятно слышать.

– погоди, а как ты убедил его, что тот настоящий?

– Я? Нет, я ничего не делал. Вы его убедили. Все евреи Европы и Азии обсуждали одну тему: как коварный доктор Фауст выкрал у порядочных людей дорогую им вещь и скрылся в неизвестном направлении. Ну, а дальше слухи сделали нужную работу. Высокочтимый правитель был рад обменять у меня копию на свиток с формулой металла. Который я ему ещё должен был перевести в некоторых деталях...

– И что?

– И всё. Я отдал копию, перевёл пергамент и уехал. Хотя сама формула ничего не стоит, если не знаешь последовательность добавления частей и как именно их смешивать. Так что...

– Так что – Ицхак прав, – кивнул Соломон, – ты действительно невероятно хитёр и удачлив! Махараль, принеси гостю вина!

– О, нет! Спасибо большое, но я чрезвычайно плотно поужинал в таверне...

– Ну, от бокала хорошего вина хуже не будет!

– Это точно!

– Так что ты хотел, Фауст?

– Хотел сделать вам приятное!

Учёный положил на стол свиток.

– Это именно то?

– Да, Соломон. И, заметь, уже переведённое – и со всеми подробностями!

– Это поистине царский подарок!

– Как договаривались, – улыбнулся алхимик.

В комнату вошёл худой высокий мальчик с графином вина и бокалами.

– О! Кого я вижу, Махараль! Как ты вырос!

Алхимик потрепал мальчугана по голове. Юноша поставил поднос и, кинув острый взгляд на мужчину, исчез.

– Какой серьёзный, – усмехнулся Фауст, – вот кому по наследству достанется книга!

Хозяин между тем разлил по бокалам вино и поднял один из них.

– Георг Фауст. Нет, не так... Уважаемый Георг Фауст!

– О! Это слишком для меня...

Мужчины рассмеялись.

– И не спорь, и не перебивай меня! Ты, конечно, потрепал нам немало нервов...

– Да!

– Это точно...

– Но, – хозяин поднял руку, – оно того стоило! Ты сдержал своё слово и даже больше! Ты вернул нам не реликвию... Ты вернул нам доверие! Спасибо...

Фауст положил растроганному Соломону руку на плечо.

– Это вам спасибо за то доверие, которое вы мне оказали, и я рад, что оно к вам вернулось!

Гости подняли бокалы и осушили их. Растроганный хозяин пододвинул стул дорогого гостя ближе к столу и налил ему ещё вина.

– Так расскажи нам, как ты умудрился надуть султана?

Фауст весело расхохотался и сделал глоток.

– Человека не нужно обманывать, достаточно ему говорить то, что он хочет слышать...

Всю историю приключений алхимика в Османской империи каббалисты слушали, раскрыв рот от изумления. Тут был весь комплект блестящей авантюры. Знакомство с правителем под видом таинственного лекаря, подкуп советников и даже проникновение в гарем великого султана.

– Хочешь сказать, – подозрительно прищурился длинный Ицхак, – ты и в его гареме покуролесил?

– Увы, нет, – развёл руками Фауст, – только посмотрел на его красавиц краем глаза. Охрана там и впрямь нешуточная. Оно и понятно, большинство правителей намного серьёзнее заботятся о своих гаремах, нежели о своих народах. Впрочем, люди нашего мира – это не народы, а, скорее, просто население.

– Нашего мира? – вопросительно приподнял бровь Соломон.

– Земли, – улыбнулся алхимик.

– Ну, не все правители таковы, бывали и исключения в истории, – покачал головой Менахем.

– И сколько их? Царь Соломон, Марк Аврелий и?..

– И всё.

– А, – Фауст махнул рукой, – это неважно! Важно главное.

– А что есть главное?

– Познание...

– Ты думаешь?

– У вас есть сомнения?

– Есть некоторые, – кивнул молчавший весь разговор один из каббалистов.

– И что же это?

Георг в упор посмотрел на коренастого Зелаха.

– Это любовь, Фауст. Ты её уже познал?

– Если ты об этом, – усмехнулся алхимик.

– Я о чувстве.

- По мне, так это только набор реакций в организме, – отмахнулся учёный.
- Может, и так, – пожал плечами Соломон, – так что ты хотел, друг наш?
- Собственно, почти то же, что в прошлый раз. Только всего на две недели.
- И что же?

Фауст улыбнулся и, стараясь говорить как можно проще, произнёс:

- Ключ архангела Уриила, который сделал уважаемый всеми нами...
- Погоди, – Соломон поставил на стол свой бокал, – а откуда ты о нём знаешь?

Мужчина внимательно посмотрел на Фауста.

- От самого Амрама.

Присутствующие замерли.

- Точнее, из его письма.

Фауст вынул из-за пазухи сложенный вдвое небольшой лист пергамента и протянул Соломону. Медленно, дрожащими руками хозяин дома взял листок и раскрыл его. Через минуту он поднял глаза, и по его щеке медленно побежала слеза.

- Это... Это его почерк...

Поцеловав край, Соломон протянул его друзьям. Те, с нескрываемым волнением взяв в руки реликвию, сделали то же самое.

- Я думал, что весь архив сгорел во время пожара, – покачал головой Менахем.
- Это его письмо другу в...
- Да, да...

Соломон смотрел на Фауста, как будто впервые его увидел.

- Ты... Ты не представляешь, что ты для нас...

Учёный протянул разволновавшемуся мужчине бокал. Тот благодарно кивнул и сделал глоток.

– Я думаю... Я полагаю, что мы вполне сможем доверить тебе то, о чём ты просишь, друг мой!

– вполне может быть, – улыбнулся Зелах, – но я прошу тебя не торопиться – пока. Мы не сможем этого сделать, не собравшись все...

– Да, конечно, – улыбнулся Фауст, – я понимаю, ещё и Эммануила нет. Конечно! Да, и простите меня... Я вынужден откланяться. Устал, знаете ли, с дороги.

- Ты можешь остаться у меня, если хочешь!

- Благодарю тебя, Соломон, но я уже нашёл место для ночлега.

Попрощавшись с мужчинами, алхимик накинул плащ и вышел на улицу. Порыв мокрого ветра подхватил полог его плаща. Вытерев ладонью мгновенно увлажнившиеся щеки, Фауст улыбнулся.

- Хороший вечер, чтобы пойти к хорошему камину и хорошей женщине.

* * *

Двое мужчин молча сидели за пустым столом и смотрели на догорающую свечу. Только мерное постукивание капель по стеклу нарушало тишину в комнате. Зелах поправил свечу и, покачав головой, отодвинул от себя стакан.

- Прости, Эммануил, но я, видимо, останусь в одиночестве в этом вопросе.

Сидевший напротив статный голубоглазый мужчина развёл руками.

– Это, конечно, твоё дело, и я понимаю твои опасения, но он сделал всё как обещал. И если ты помнишь, Фауст нам очень помог в своё время. Когда нас изгоняли из Португалии после испанской истории. В конце концов – благодарность...

– Я помню. Помню... У меня есть к нему благодарность, друг мой. Но у меня есть и сомнения.

– Какие именно?

– Просто на уровне души, я ему не верю. Точнее, не ему, а...

– Прости, Зелах, я перестаю тебя понимать. Ты хорошо знаешь, что чёрно-белая книга – это очень серьёзно, и он готов нам её отдать... Я уже не говорю о письме, которое он...

– Тут что-то не так.

– Что?

Эммануил хлопнул себя по ляжкам и откинулся в кресле. Вот уже почти два часа он не мог понять, почему Зелах Леви против того, чтобы дать на время алхимику ключ. Конечно, это большая ценность и дорога каждому еврею Праги, и тем более – каббалисту, но – ведь это только на время. И Фауст вполне оправдал оказанное ему доверие. Тем более, он обещал после обряда отдать чёрно-белую книгу сообществу.

– Извини, но я тебя просто не понимаю. Ты же знаешь, что он хочет нам передать?

– А ты знаешь, что он хочет сделать с ключом?

– Что?

– И я не знаю.

– Зелах, дорогой, что он может? Ну – ты сам подумай! Что такого в Праге можно отпереть? Всё, что можно, – всё уже открыто! К тому же, он не еврей и не кабба...

– Он алхимик! И, по-моему, ты плохо представляешь себе его уровень.

– Я тебя умоляю...

– Как бы не пришлось потом ещё кого-то умолять, – Леви ткнул пальцем в потолок.

– Ты преувеличиваешь его способности!

– Да? И тебя не смущает, что этот человек...

– Меня ничего не смущает!

– Хорошо, – Зелах встал и развёл руками, – я вижу, что вы не хотите меня слушать. Вам эта книга с формулами и заклинаниями совсем разум помутила!

– Да успокойся ты...

– Не нужно меня успокаивать! Просто поверьте: вы хотите сделать большую ошибку, а я не хочу её допустить!

Леви раздражённо надвинул шляпу на голову и пошёл в сторону двери. Остановившись у порога, он оглянулся на Эммануила.

– Нельзя доверять ключ ангела человеку с демоном в сердце.

Глава вторая АЛХИМИК

Фауст подошёл к ярко-жёлтому дому и, поправив шляпу трижды стукнул в дверь. В ответ послышалось тихое шуршание. Медленно открывшееся маленькое окошко и тихо щёлкнувший засов вызвали у учёного улыбку.

– Приятный звук!

Дверь распахнулась, и на пороге появилась яркая брюнетка, кутавшаяся в тонкую серую шаль. Сделав пол шага навстречу учёному, она отвесила ему звонкую пощёчину и, тут же пригнув его за ворот, крепко поцеловала. Скинув шляпу путника вглубь прихожей, она увлекла мужчину в дом.

– Ненавижу тебя, мерзавца!

– Я тоже соскучился!

Не переставая целовать красавицу, Фауст начал стягивать с неё платье.

– Колдун проклятый!

– Чёртова ведьма!..

Кое-как стянув друг с друга одежду в прихожей, пара ввалилась в комнату. Иоганн крепко поцеловал брюнетку в губы, а та в ответ страстно впилась ногтями в его спину.

– Ай!.. Больно же!

– Ты это заслужил, негодяй!

– Роза!..

– С шипами!.. И ты заслужил их! Ты ведь знаешь об этом?!

– Как никто! – взвыл Георг.

Женщина опрокинула Фауста на пол и уселась на него сверху.

– И ты знаешь, кто я! Так что – терпи, мерзавец! Я же терпела!

– Да?..

– Да!

Схватив ладонями её голову, он целовал глаза, губы, шею. Роза застонала и, обхватив его ногами, ещё крепче прижала к себе.

– Ты мой! По крайней мере – на эту ночь...

Сумасшедшая красотка. Её пряный запах сводит с ума. В такие мгновения в глубине существа просыпается животное чувство. И чем дольше эта женщина находится рядом, тем оно сильнее.

Роза... Она страстная и нежная. Она может быть разной. Она умеет чувствовать мужчину. Таких женщин не забывают.

Георг обнимал её и чувствовал, как она дрожит в его руках. С каждым его движением дрожь усиливалась. Хотелось связать её...

Неожиданно Роза схватила пояс Фауста и накинула его ему на горло, а потом себе.

– Хочу всего тебя сегодня... Всего!

Что было дальше, Йорг плохо помнил. Нечто страстное и странное. Он то ли потерял сознание, то ли улетел вместе с ним куда-то. Вернулся, лишь когда почувствовал, как её пальцы нежно гладят его по спине. Фауст заурчал от удовольствия, и женщина рассмеялась.

– Все вы, мужики, как мальчишки малые. Вы все...

– Что?..

– Недоглаженные и недолюбленные.

– Не знаю, может быть.

– Я это точно знаю.

Часы в красном деревянном коробе медленно отсчитали полночь. Среди разбросанных на полу вещей лежали два человека вне времени. Фауст открыл глаза и улыбнулся. Женщина медленно, едва касаясь, провела рукой по его подбородку.

– Так странно видеть тебя без бороды.

– Да? Тебе не нравится?

– Ну почему, так даже лучше. Ты моложе выглядишь...

Георг повернулся и поцеловал её. Проведя рукой по чёрным как воронье крыло волосам, усмехнулся.

– Ты прекрасна и опасна.

– А ты просто ужасен, Йорг! Чёрт, ненавижу тебя!

Женщина укусила его за ухо.

– Ну, началось... Ау! Хватит, дорогая! Ты уже меня практически съела...

– И мало! Ты сказал, что раз в три месяца будешь присылать голубя...

– Прости, я был на востоке и без голубей!

– Где это ты был без птиц?

– У османского султана гостил.

– Кой дьявол тебя туда понёс?

– Хотел привезти тебе небольшой сувенир...

– Знаю, что врёшь, мерзавец, но всё равно приятно.

Подняв руку, Фауст дотянулся до своих штанов и, порывшись в карманах, достал золотую цепь с треугольной подвеской, внутри которой был золотой глаз с изумрудом.

– Увидев его, я вспомнил о твоих глазах. Это, конечно, жалкое подобие блеска твоих очей, но...

Женщина взяла подарок и медленно рассмотрела его. Затем обхватила гостя за шею и крепко поцеловала.

– Чёрт говорливый. Спасибо, мой милый...

– Как только всё это одновременно помещается в твоей голове, – усмехнулся Фауст, – и чёрт, и милый.

– Это не в голове, это в сердце. Вот ты, Йорги, вроде понимаешь женщин, а самое важное так и не понял.

– О боги, что же я не понял? Просвети меня скорее!

– Мы сердцем думаем, сердцем...

Роза встала и, подойдя к камину, подкинула в затухающий огонь небольшое полено. Повернувшись к Фаусту, она надела его подарок.

– Тебе нравится?

– На тебе обнажённой – особенно! Как же ты хороша...

– Спасибо... Впрочем, если бы ты подарил мне кирпич со словами, что он напомнил тебе обо мне, я носила бы его с таким же удовольствием.

Георг расхохотался и подполз к ногам женщины. Нежно поцеловав её ступни, он поднял глаза на хозяйку дома.

– Ты уникальна! Красива, остроумна, мудра...

– И одинока.

Роза освободила от рук гостя свои ножки и, подняв с пола скинутое платье, повесила его на стул. Накинув на плечи шаль, женщина подвинула к Фаусту его одежду.

– Останешься у меня только на одну ночь.

– Как ты сурова, – мужчина встал и медленно натянул штаны, – а раньше ты не была так строга со мной...

– Раньше ты отвечал за свои слова. И мне это нравилось.

– Вообще-то я хотел сделать тебе сюрприз!

– Я так и поняла.

Женщина насмешливо кинула Фаусту его рубашку и, подойдя к столу, собрала разложенные на них карты.

– Ты голоден?

– Только тобой... Ты не просто хороша обнажённая, ты словно произведение искусства. Кинув взгляд на любовника, Роза улыбнулась.

– Дьявол речистый! Всё-таки наша сестра падка на слова.

– Тебе приятно, потому что я говорю искренне, и ты это чувствуешь.

– Наверное.

– Садись к столу, я принесу твоё любимое.

Открыв буфет, Роза вынула из него несколько тарелочек с разноцветными сладостями и малиновым желе. Поставив перед Фаустом бокал, хозяйка налила в него вино.

Окунув ложку в ярко-красное желе, Георг облизнул её и, запив крепким вином, улыбнулся, глядя на спутницу Женщина поймала его взгляд и улыбнулась в ответ.

– Что?

– В смысле?

– Что ты на меня так смотришь?

– Любуюсь...

– Да?

– Да, и восхищаюсь тобой. Как природа создала такую красоту! Чёрные как смоль волосы и изумрудные глаза...

– Это всё?

– Нет. Тонкие пальцы, белоснежная кожа, тёмные соски на роскошной груди... И потрясающая попка. Роза, ты богиня!

– Ты врёшь!

– Почему это?! – Фауст в недоумении приподнял брови.

– Потому что тебя привлекает не грудь и не попка, а нечто совсем другое.

– Вот те раз! И что же?

– То, что я не даю тебе расслабиться...

– Ха, – радостно запрокинул голову алхимик, – точно! Да, и ещё – ты проникательна.

– А вот ты глуп!

– Почему?

– Точнее – слеп...

– Вот как!

– Да, – покачала головой женщина, – при всём твоём уме и при твоих знаниях – ты не видишь, куда идёшь.

Учёный опустил ложку в желе и внимательно посмотрел на Розу.

– А ты? Ты видишь, куда я иду?

– Догадываюсь...

– И куда же, если не секрет?

– В великий тупик...

– Даже в великий? – усмехнулся Фауст.

– Да, но он тебе нужен... Ты должен через него пройти.

– Это карты тебе сказали?

– Это интуиция мне сказала. Не ёрничай, колдун, ты прекрасно понимаешь, что я права.

Просто ты боишься этого.

– Я боюсь?! Чего?..

– Правды.

– Ты полагаешь? – Фауст откинулся на стуле и развёл руками.

– Да. И ты пока не понимаешь до конца, о чём я говорю.

– А точнее – я вообще не понимаю, о чём ты! Может, объяснишь чуть подробнее?

– Нет, Норг. Это не моя работа. С тобой я всего лишь женщина. Мне хорошо и всё.

Остальное – это твой выбор.

Роза повернулась к маленькому столу и, сложив стопкой оставшиеся карты, хотела их убрать, но Фауст взял её за локоть и, нежно поцеловав, вытянул верхнюю. Повернув картинку к себе, алхимик громко рассмеялся своим гортанным хохотом.

– Ха!

– И что там?

– Вот...

Роза взглянула на картинку.

– Как всегда – маг. Завидное постоянство и незавидное одиночество.

Фауст легонько шлёпнул женщину по попе и улыбнулся.

– Почему вы все так этого боитесь?

– Чего?

– Одиночества. Ведь это всего лишь умение вести диалог с вечностью.

Роза повернулась и взглянула на своего гостя.

– Я восхищаюсь тобой, Фауст.

– Спасибо, моя красавица.

– Восхищаюсь и одновременно ужасаюсь.

– Ну вот, опять!

Взяв со скамьи белоснежную баранью шкуру, алхимик бросил её на пол перед камином и, расположившись на ней, поманил к себе хозяйку.

– Иди ко мне, мудрая, красивая женщина. Забудь о восхищениях, ужасах и прочих мелочах. Сейчас есть только ты и я. Мы будем пить вино, говорить о жизни и смотреть на огонь. А ужасаться должны те, кто не живёт!

Роза поставила перед камином столик и кинула на лежащую шкуру несколько подушек.

– Как скажешь, мой повелитель ночи.

– Почему ночи?

– Ты появляешься в моей жизни каждый раз ночью и всегда накануне полнолуния.

– Да? Я этого не замечал... Ты наблюдательна!

– Учусь у тебя.

Женщина разлила в бокалы вино и поцеловала Фауста.

– За нашу последнюю ночь...

– Это ещё что значит?!

– Завтра, Йорг, ты уйдёшь из моей жизни.

– Тебе так карты сказали?

– Так я сказала.

– Почему так строго?

– Я выхожу замуж.

– Не смейся мен...

Георг осёкся, наткнувшись на жёсткий взгляд женщины. На мгновение растерявшись, он быстро взял себя в руки и виновато улыбнулся.

– Прости... просто... это несколько неожиданно...

– Почему? Я женщина и хочу обычного женского счастья.

– Ну да, конечно, я понимаю. И кто он?

– Тебе это знать необязательно.

– Как скажешь, дорогая.

Алхимик поднял бокал.

– За твоё счастье!

– Спасибо.

– Так ты считаешь, что я не понимаю, куда иду?

– Понимаешь, но не до конца, по-моему.

– Поверь, никто ничего до конца не понимает в этой жизни! Мы все понимаем только своё прошлое, да и то не всё, а лишь детали. Что уж говорить о настоящем.

– Ты думаешь?

– Уверен.

Остаток вечера прошёл в беседах на оккультные и философские темы. Фауст любил разговаривать с этой женщиной. Иногда ему даже казалось, что он любит её. Но наступало утро, он уходил и почти не вспоминал о ней.

Это были странные отношения. Два сильных и ярких человека, живущие вопреки всем правилам, однажды встретились и проговорили почти сутки. Точнее, сперва Фауст овладел этой роскошной брюнеткой, а потом... потом она долго смеялась над ним. Нет, всё было прекрасно, и Георг произвёл на неё приятное впечатление. Но его самоуверенность очень развешила женщину.

Оказалось, она тоже заприметила его и даже специально подошла поближе. Это был весёлый праздник первого урожая. Последняя языческая традиция Европы, чудом проскользнувшая сквозь лапы святой инквизиции.

Теперь, вспоминая первую встречу, оба от души веселились. Фауст вспоминал, как Роза красиво запрокидывала свои роскошные чёрные кудри, а она – как Георг пытался обаять её своим баритоном.

Алхимик любовался хохочущей женщиной и улыбался. Роза была единственным человеком, с которым он чувствовал себя легко. С ней не нужно было притворяться. Весёлая, живая, яркая. Она могла смеяться, плакать, ругаться. Причём иногда одновременно.

Фауст притянул женщину к себе и поцеловал краешек её губ.

– Ты потрясающая...

– Спасибо, Йорги.

– Нет, это тебе спасибо. Ты лучше расскажи, кто твой будущий муж?

Роза отрицательно покачала головой.

– Говорю же, тебе этого знать не нужно.

– Ну, может, ты и права. Знаешь, я тут одного художника сегодня встретил, некто Зденек Сметана.

Женщина посмотрела на гостя и кивнула.

– Да, знаю такого. Его вся Прага знает. Делает свои странные поделки, священники от него шарахаются как от чумного...

– А ты?

– Что я?

– Ты видела его работы?

– Да... Вроде ничего...

– Есть только одна вещь, Роза, которую ты так и не научилась делать.

– Это какую же?

– Врать, – усмехнулся Фауст. – Ты же наверняка поняла, что парень одарён сверх меры!

– Да, поняла... И что?

– А! Так это он твой жених?!

– Нет.

– Не ври!

– Не вру! Я не собираюсь выходить замуж за нищего художника!

– Возможно, но он тебе нравится, – насмешливо прищурился Георг.

– Женщинам вообще нравятся талантливые мужчины. Ты вот тоже многим нравишься.

– Это иллюзия. Большинству женщин плевать на талант. Их притягивает энергия силы, а талант – это важнейшая сила мужчины. В нём заключена его миссия. В остальном – жен-

щина просто ищет лучшего, от которого она смогла бы родить потомство. Простой животный инстинкт и не более того.

– Как я люблю, когда ты начинаешь рассуждать. Ты прав, женщинам нравятся талантливые, умные, сильные. Но выходить нужно за спокойного. От него и потомство будет здоровое. А от вас, гениев, никогда не знаешь, чего ожидать. Жизнь как на вулкане.

Фауст положил голову на колени Розы и вытянул ноги к огню в камине.

– Может, ты и права. Да, совершенно права, а тебе я нравлюсь просто потому, что ты меня понимаешь...

– А ты?

– Что я?

– Ты меня понимаешь?

– Тот, кто поймёт женщину, будет править миром! – поднял палец вверх алхимик.

Роза улыбнулась и, разобрав волосы Фауста на две стороны, приподняла их так, что получились рожки.

– Тем более – такую, как ты!..

– Я обычная.

– Не обманывай ни меня, ни себя – я знаю, кто ты! Ты ведьма. Великая мудрая ведьма!

– Нет, Фауст... Нет. Я обычная женщина, которая хочет дом, семью...

– Детей, – кивнул Георг.

– Да! Да, детей! И... И хватит об этом. Скажи лучше, что ты делаешь в Праге? Если верить слухам, все евреи Европы готовы тебя разорвать на клочки, а ты вдруг вернулся.

– Вернулся и отдал им то, что брал, а сверх того – пообещал кое-что за потраченные нервы. Думаю, теперь они сделают то, что мне нужно. А с чего ты вдруг заинтересовалась этим?

– Я три раза выкинула карты и видела, что ты идёшь ко мне.

– И что?

– Каждый раз из колоды на пол выпадала одна и та же карта.

– Какая?

– «Дьявол».

– Ха!..

Фауст привстал и посмотрел на Розу.

– Правда, сильная гадалка...

– Что ты задумал, Георг Фауст?

– Ты первый раз назвала меня полностью по имени...

– Не увливай.

– И не думаю, – улыбнулся алхимик, – я решил сделать то, что давно хотел.

– Я не знаю, что ты там решил, Йорг, но меня это очень пугает.

– Не пугайся. То, что должно произойти, всё равно произойдёт. И если это сделаю не я, так кто-то другой. Так уж лучше пусть это буду я... впрочем, нечто подобное уже делали и до меня.

Роза с сомнением покачала головой.

– Почему?

– Что – почему? – удивился Фауст.

– Почему это со мной происходит?!

– Что именно?

– Почему я встретила тебя!

– Потому что тебе этого очень хотелось! И тебе без меня было бы скучно жить! А твои истории про обычную женщину и тихое счастье – это всего лишь пустая болтовня.

– Ты думаешь?

– Уверен! Тебе эти тишь да гладь очень быстро осточертеют. Ты умная, красивая, но тебе отчего-то очень хочется попасть в болото!

– Я...

– Не перебивай!.. Мы с тобой не принадлежим этому миру. Мы те, кто его создаёт.

– Ты не слишком...

– Нет, не слишком! Я вполне отдаю себе отчёт в том, кто я и кто ты. И вполне представляю себе, чего мы оба стоим. Вот только ты очень хочешь...

– Фауст, – разочарованно вздохнула Роза, – ты понятия не имеешь, чего я хочу.

– Ну, да... наверное, ты права... Ладно, к чёрту философию! Иди сюда...

Георг сгрёб женщину в охапку и поцеловал в губы.

– Наше прощание должно запомниться!

– Запомнится то, что запомнится...

* * *

Глядя на свинцовые тучи, медленно проплывавшие за окном, Фауст поморщился. Вставать совсем не хотелось. Тем более – уходить от мирно посапывавшей Розы. Её чёрные кудри раскинулись веером по белоснежному белью и притягивали нежным ароматом восточных масел. Алхимик улыбнулся и, поцеловав её, тихо поднялся с кровати. Собрал висящие на спинке стула вещи, мужчина оделся и, кинув прощальный взгляд на спящую красавицу, улыбнулся.

– Хорошего тебе дня, Роза Драго.

Тихо открыв дверь, мужчина выскользнул в прихожую и, натянув сапоги, облегчённо выдохнул.

– Хороший день, чтобы начать нечто новое.

Услышав щелчок засова входной двери, Роза открыла глаза. Слегка приподнявшись, она посмотрела на дверь.

– Фауст, «Nihil habeo, nihil euro»⁸.

Это был один из тех дней, когда время замирало, даже шло вспять. Георг гулял по городу и разглядывал Прагу словно в первый раз. Много лет назад он взял за правило устраивать себе день отдыха. Отдыха от всего и в первую очередь – от себя. Это был день без обязательств. Где бы Фауст ни находился и что бы ни происходило вокруг, один день должен быть днём полной свободы. Чаще всего это было 21-е число. Но в этот раз его пришлось перенести. Работа с металлами настолько увлекла алхимика, что он забыл обо всём на свете.

Любуясь утончёнными пражскими видами, учёный не заметил, как ноги привели его к собору Св. Вита. Увидев строительные леса, Фауст расхохотался.

– Да вы шутите! Нет, ну сколько можно?!

Проходивший мимо рабочий остановился и растерянно посмотрел на странного мужчину.

– Вы что-то хотели?

Алхимик оглядел мужчину и вновь расхохотался.

– Скажите, вы случаем не Хранек Шилган?

– Да, – насторожился рабочий, – а откуда вы...

– О, Господи, – Фауст ещё раз громко расхохотался, – этого быть не может!

Несколько рабочих тоже остановились и внимательно посмотрели на весельчака. Увидев их озадаченные лица, учёный развеселился ещё больше. Он хохотал так громко и задорно, что окружившие его люди поневоле тоже начали улыбаться.

⁸ Ничего не имею – ни о чём не забочусь.

– Что вас так развеселило, пан?

Георг на мгновение замер, но, взглянув на Хранека, снова залился весёлым смехом.

– Это... Это невозможно! Я... я был ещё ребёнком, когда отец первый раз привёз меня в Прагу. И когда мы пришли к этому собору, он сказал, что его строили, ещё когда был жив его дед... И у него был там знакомый... Отличный плотник, Хранек Шилган... И он его с ним познакомил... А... а мой папа... Ой, я не могу!

Фауст хлопнул себя по ляжкам.

– Я сейчас помру от смеха!.. А мой папа познакомил меня с его внуком... и вот... Ой, мамочки! Господи... Когда же вы закончите этот собор-то строить, Шилганы всех поколений! Ой ты, боже мой!

– Вы знали моего деда? – захолопал глазами Хранек.

При этих словах учёный скорчился от смеха.

– Какого деда! Прадеда!

– Да, мы работаем уже несколько поколений, строя этот собор! И я не вижу ничего смешного в том, что мы чтим традиции нашего прошлого!

– Ну да, – Георг вдруг стал серьёзен, – прошлое... Пока вы смотрите, как там ваше прошлое, вы стоите, повернувшись задницами к своему будущему.

Из окружившей учёного группы рабочих выступил худой рыжий паренёк и подошёл к Фаусту

– А я вас знаю!

– Да?

– Да, вы Георг Фауст. Помните, вы раньше часто покупали у нас пирожные в лавке у часов?

– А! Да, конечно, помню. Давно это было. Ты, я гляжу, большой совсем. Как твоя мама?

– Болеет сильно. У неё суставы болят.

– Как жаль. А кто теперь делает эти замечательные лакомства?

– Сейчас никто...

Учёный в удивлении поднял брови.

– Что значит – никто?! А ты почему их не делаешь?

– Я тут работаю...

– Какого чёрта?! Сынок, ты, наверное, единственный из здесь собравшихся, кому действительно стоит продолжать дело своих предков! Посмотри вокруг! Эти люди строят храм Богу, в которого не верят, и будут потом там читать молитвы, смысл которых не понимают! А вы с мамой делали вещи, приносящие людям радость, которую понимает каждый!

– Но у нас сейчас нет на это денег, дом заложен...

– Так, – Фауст хлопнул парнишку по плечу, – пошли к маме!

– Я не могу, у меня работа. Если меня выгонят...

– Если тебя выгонят, ты займёшься делом, которое тебе нравится и ради которого ты, возможно, пришёл в этот мир! Или тебе в радость перекидывать камни с места на место?

– Ну, нет, конечно...

– Вот и пошли, поможем твоей маме! Тебя, кажется, зовут Войтех?

– Да, пан Фауст.

– Снимай скорее эти лохмотья, Войтех, и вперёд!

Тон мужчины и его жёсткий взгляд говорили о том, что возражений быть не может. Мальчуган стянул с себя грязный холщовый фартук и отдал его Шилгану.

– Ты делаешь ошибку, Вой, – заметил тот.

– Нет, – бросил Фауст, – он её исправляет.

Юноша указал рукой в сторону Влтавы.

– Мы теперь там живём.

– Пошли.

Широко шагая по пражским улочкам, Георг едва успевал отвечать на вопросы мальчугана. Учёному явно нравился пылкий ум и любопытство Войтеха. Выйдя на мост, юноша остановился.

– Красиво тут, правда?

– Да, – улыбнулся Фауст, – ты случайно не Близнец?

– Нет, я один у мамы.

– Я не об этом, – рассмеялся алхимик.

– Скажите, – Войтех покосился на спутника, – а почему вы уверены, что люди не верят в Бога?

– А у тебя есть сомнения?

Юноша пожал плечами.

– Ну, не знаю...

– А ты посмотри со стороны. Большинство называющих себя христианами даже Библию ни разу в жизни не открывали. Спроси у них, что означает та или иная молитва, которые они с усердием твердят каждое воскресенье в храме, – не ответят. Вот ты, например, читал Библию?

– Да. Правда, мне там не всё понятно...

– Что именно?

– Что значит – Иисус умер за наши грехи? Это как, мы же ещё не родились, когда он умер. И что в раю все делают – просто гуляют с арфами? Это же скучно!

– Ха, – взорвался своим вороньим смехом Фауст, – ты мне положительно нравишься, парень. А ты у священника об этом спрашивал?

– Да.

– И что он сказал?

– Сказал, что ещё раз такое спрошу, он не допустит меня к причастию.

– Вот, я так и думал! В этом вся суть религий. А рай, ад... У каждого свой.

– Это как?

– Ну, к примеру, мой ад – это жизнь без смысла.

– А рай?

– Понятия не имею! Впрочем, туда я всё равно вряд ли попаду, – усмехнулся учёный.

– Вот, пан Фауст, мы пришли.

Мальчик толкнул дверь, и в нос ударил тяжёлый запах сырости. Иоганн поморщился и вошёл в дом. В тёмной прихожей кто-то попытался зажечь свечу.

– погоди, мам, я сейчас сам зажгу.

Георг похлопал Войтеху по плечу.

– Не нужно ничего, я уже вижу. Пошли...

Войдя в комнату, учёный остановился у стола и улыбнулся невысокой сухонькой женщине.

– Здравствуйте, Анета.

Женщина попыталась рассмотреть гостя.

– Вы... Ваш голос мне как будто знаком...

– Я Фауст, Георг Фауст. Помните? Иорг...

– Нет, – женщина в сомнении покачала головой, – не помню. Да вы садитесь, пожалуйста, пан Фауст. Я не знала, что будут гости, у меня и угостить-то вас нечем... а ты почему не на работе, Войтех, тебя что – выгнали?!

– Не совсем...

– Что значит – не совсем?

– Так, – Фауст взял женщину под локоть, – давайте-ка вы лучше приляжете, а потом он вам всё расскажет.

– Я, пан Фауст, конечно, лягу, но как же он мог уйти... У нас сейчас и денег-то нет совсем, а он...

– Это я ему велел.

– Что?

– Да прилягте вы наконец, мне вас осмотреть нужно!

– А зачем?..

– Я лекарь.

– Ой, – женщина попыталась встать с кровати, на которую усадил её гость, – у нас на это сейчас нету...

– На «это» вам и не нужно! «Это» осмотрит вас бесплатно, – спокойно кивнул учёный.

– Вам что-нибудь принести, пан Фауст? – с готовностью высунулся из-за спины мальчуган.

– То, на что можно сесть.

– Да, сейчас...

Потрогав у больной запястье, алхимик попросил женщину высунуть язык, после чего простучал пальцами по её животу и осмотрел ладони.

– У меня тут суставы болят...

– Суставы – следствие. А вот это...

Повернув больную и пройдя пальцами по позвоночнику, он остановился в районе поясницы.

– Впрочем, это поправимо...

– Да? – с надеждой подняла на него глаза женщина.

– Да, пока человек жив, всё поправимо. Кроме его глупости...

Порывшись в своём чемодане, Фауст вынул коробку и медленно начал отсчитывать тёмные горошины, лежавшие в ней. Затем, переложив их в небольшой пакетик, протянул женщине.

– Вот. Принимать будете так: на ночь по одной горошине первую неделю, потом во вторую по две, в третью по три и так дальше, пока они не закончатся. Понятно?

– Да, поняла...

– Если что, сын проследит. Так, – поднялся учёный, – всё, мне пора. А с тобой, Войтех, я хочу поговорить.

– А как же... вы прямо так и уйдёте?

Фауст улыбнулся пациентке.

– Да, прямо так и уйду.

– Как жаль... Спасибо вам большое, пан Фауст! Я за вас молиться буду!

– Что вы все молитесь, – недовольно скривился алхимик, – чуть что – сразу молиться...

– Что?

– Хорошо, говорю, молитесь!

– Ага...

Выйдя в коридор, Георг протянул мальчугану кошель.

– Вот. Это тебе не просто так, а на дело.

– Спасибо вам...

– погоди спасибовать, – оборвал его Фауст, – успеешь. Слушай и запоминай. Сперва ты пойдёшь и купишь себе хорошую новую одежду и дрова в дом. Ну, и еду, конечно. Потом зайдёшь в лавку и посмотришь, сколько сейчас стоят пирожные. У вас рецепт ваших с розочкой сохранился?

– Да, конечно.

– Так вот, ты пойдёшь сегодня к Эммануилу из Вршовиц, знаешь его?

– Да, он у нас лавку забрал за долги...

– Хорошо, так вот, ты пойдёшь и скажешь, что хочешь выкупить у него обратно вашу лавку за пять золотых...

– Да, но...

– Не перебивай! Он посмеётся, но ты не обращай внимания. Просто покажи ему, что деньги у тебя есть. Но не все сразу! Если будет расспрашивать, откуда они, ничего не скрывай. Скажи, мол, пан Фауст помог. А если будет очень приставать с расспросами, ответь, что ты помогаешь мне в одном деле.

– А что я должен буду делать?

– Ничего особенного, – улыбнулся алхимик, – восстанови вашу пекарню и делай пирожные – как в прежние времена. Кстати, отнеси их герцогу, я дам письмо, тебя примут. Его светлость – знатный сладкоежка, полагаю, он оценит их по достоинству.

Фауст открыл дверь, чтобы выйти, но остановился.

– Да и ремонт тут нужно сделать... А лучше продайте этот дом и переезжайте обратно к часам.

– Пан Фауст, простите, а почему вы всё это делаете для нас?

Мужчина оглянулся.

– Не люблю иметь долги.

– Долги?

– Да, особенно – если это долги судьбы.

– Простите, я не совсем понимаю...

Фауст изучающе посмотрел на паренька. Затем, вздохнув, учёный улыбнулся.

– Когда-то, очень давно, один человек повёз своего сына учиться. Они ехали из маленького захолустья через большие красивые города. И в каждом из них он рассказывал мальчику разные интересные истории. Эти люди не были очень богаты, но они были очень счастливыми.

И вот однажды в городе П. мальчик увидел то, что не видел никогда раньше. Это было потрясающе красивое большое пирожное. Представляешь, удивительная залитая солнцем площадь, а на ней – маленькая лавочка с пирожными. И центральная в этой лавочке – огромная корзинка с розой... Это было самое прекрасное, что паренёк видел в своей коротенькой жизни. Мальчишка стоял и смотрел на него, не отрываясь, и представлял, какое оно должно быть вкусное. Конечно, он понимал, что ему не купить его. Ведь оно было очень дорогим. Дорогим и красивым.

Но, совершенно неожиданно, одна маленькая девочка сняла его с витрины и протянула ему. Она была дочкой хозяина, ей стало жаль худого бедолагу, пожирающего глазами розу в песочной корзинке.

Мальчик взял этот шедевр кулинарного искусства и откусил. Оно на самом деле было изумительным. Это было лучшее, что он когда-либо пробовал. А потом он передал его той девочке. Но она отказалась, сказав, что не любит сладкое, а может – ей просто хотелось, чтобы тот мальчик доел пирожное...

Неожиданно оборвав рассказ, мужчина вышел на улицу и закрыл за собой дверь. Резкий порыв ветра с мокрым снегом ударил в лицо. Вытерев намокшие глаза, Фауст встряхнулся.

– Дьявол!.. Я становлюсь сентиментален...

Закутавшись в тёплый плащ, мужчина широким шагом направился в сторону возвышенности. Градчаны было именно тем местом, которое ему сейчас было нужно. Там он всегда мог сбросить тянущиеся из детства воспоминания.

Быстрым шагом учёный пересёк мост и огляделся. Вот он. Город вне города. Собственно, это была уже не Прага, а нечто совершенно иное. Последнее пристанище свободы в Европе.

Удивительно, но политические и религиозные перипетии последних десятилетий как будто обошли это местечко стороной. Конечно, Ян Гус и его противники изрядно подпортили

своими столкновениями этот городок. Но всё же атмосфера свободы и здравомыслия здесь ещё чувствовалась.

Войдя в Градчанский лес, Фауст подошёл к старому дубу и прислонился к нему лбом. Не хотелось ни о чём думать. Хотелось просто быть. Кинув плащ на землю, алхимик опустился вниз и, устроившись между двух выступавших из земли корней, закрыл глаза. Постепенно успокоив мысли, он прислушался к своему дыханию. Этой технике его обучил один восточный мастер. Хотя – нет, мастеров было два, Ли Фонг и Кави.

Образы детства никак не хотели уходить из головы, и Георг выдохнул. Единственный способ избавиться от прошлого – это вернуться в настоящее. Алхимик повернулся спиной к дереву и закрыл глаза.

Вспомнив своих учителей по медитациям, учёный благодарно улыбнулся. Он познакомился с ними совершенно случайно, на пути в Гималаи. До которых, к слову сказать, так и не добрался. О чём, впрочем,нисколько не жалел. Эта удивительная встреча многое изменила и в жизни учёного, и в нём самом.

Странное сочетание несочетаемого. Быстрый как ветер Ли и задумчиво улыбающийся Кави. Китаец и индус – удивительная пара. С первого взгляда даже было трудно понять, что именно объединяет этих, казалось бы, столь разных людей. Кави, подробный, внимательный, вдумчивый, и Ли, быстрый, стремительный как ураган. Учитель, который практически никогда ничего не объяснял. Огонь и вода. Но уже через минуту собеседник и представить себе не мог, что один может быть без другого.

Как и большинство европейцев, Фауст с некоторой иронией поглядывал на восточные народы. Будучи человеком образованным, он крайне скептически относился к азиатской мистике. И считал её скорее попыткой спрятаться от реальной жизни, нежели чем-то стоящим его внимания.

Однако его скепсис быстро закончился, едва он познакомился с ними. С Мастерами странства.

Хотя, это была даже не встреча, скорее – столкновение.

Тот случай, когда судьба руководила Фаустом, а не он ею. Надо сказать, такого рода события нечасто случались в его жизни, чем он очень гордился. Ему всегда казалось, что самое опасное – это когда человек перестаёт отвечать за свою жизнь и целиком полагается на провидение. Но в этот раз было именно так.

Трудно сказать, почему Георг вообще поехал в Мекнесс, тем более – с малознакомыми попутчиками. Это пыльное захолустье и шумные Берберы не вызвали у него никакого энтузиазма. А тут ещё компания их светлостей. Младшие отпрыски знатных семей. Крошечные островки ума, окружённые горами самомнения, морем амбиций.

Утомительная неделя разговоров людей, считавших себя властью, надоели Фаусту куда больше, чем сама дорога. Господам же, напротив, было очень лестно, что с ними путешествует знаменитый алхимик. Изменились веяния, мода и – вот! Ещё вчера они отдали бы его на растерзание инквизиции, а сегодня готовы не только приглашать к себе в гости, но и путешествовать с ним в одной карете. Ехать и рассуждать на разные темы. Темы, в которых они понимают не больше, чем немецкий кабан в финиках.

Впрочем, некоторое время Фауста это даже развлекало, словно посещение бродячего цирка. Он любил слушать людей, обладающих властью. Это становилось для него некой тренировкой на выдержку. Хотя больше всего ему нравилось ставить их в тупик. Вот и в этот раз он не удержался. В самом конце поездки разговор зашёл о религиях, и когда терпение учёного подошло к концу, он скромно взял слово.

– Простите, ваши светлости, – неожиданно вступил он в беседу, – а не подскажете ли, какого числа родился Иисус?

Князья переглянулись и расхохотались.

– Однако вы шутник, Георг Фауст, – хлопнул его по плечу один.

– Да уж, – кивнул другой, – странно слышать от учёного человека такой нелепый вопрос!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.